

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики
Кафедра русской литературы

**Переводные художественные
тексты в «Хрестоматии» 1949 г. по современной литературе для
эстонских школьников XI класса: установление авторства.**

Магистерская выпускная работа
студентки отделения
славянской филологии
Керсти Пыльдма

Научный руководитель –
старший научный сотрудник Л.Л. Пильд

Тарту 2018

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Структура переводного учебника Л.И. Тимофеева	
«Современная литература для XI класса» /Kaasaegne kirjandus XI klassile (1949).....	5
Глава 2. Структура оригинальной и переводной хрестоматий по современной литературе А.Дубовикова и Е. Северина.....	13
Глава 3. Авторство переводных отрывков из романа Максима Горького	
«Мать» и повести «Мои университеты».....	16
Глава 4. Авторство переводов поэзии А.А.Блока и В.В. Маяковского	26
Заключение.....	51
Список использованной литературы	52
Kokkuvõtte	55
Lihtritsents lõputöö reprodutseerimiseks	58

Введение

В настоящей магистерской работе мы рассматриваем переводной учебник по современной русской литературе для эстонских школьников XI класса, написанный в оригинале Леонидом Ивановичем Тимофеевым [Тимофеев], а также двухчастную переводную хрестоматию, составленную А. Дубовиковым и Е. Севериным [Хрестоматия I; Хрестоматия II]. Переводные учебники по русской литературе уже становились предметом исследовательского анализа (см., например, работу Анны Веселко [Веселко]). Однако ученые почти не занимались тем, кто из эстонских литераторов осуществлял переводы из русской литературы на эстонский язык, специально предназначенные для хрестоматий и учебников, или чьи уже напечатанные переводы использовали составители хрестоматий.

Основной целью нашего исследования является определение авторства некоторых эстонских переводов в названной хрестоматии. Выявление авторства переводов важно, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, мы получим представление о том, кто из известных или менее известных эстонских писателей и поэтов публиковал свои переводы в хрестоматиях и учебниках в послевоенный период. Использовались ли в переводной литературе переводы буржуазного времени или же для переводных учебных пособий в 1940-е гг. создавались совершенно новые тексты?

Во-вторых, важно понять по каким принципам составлялись переводные хрестоматии для эстонских школьников: включали ли составители переводной книги в нее все тексты оригинальной хрестоматии? Какие смысловые или композиционные изменения были сделаны в переведенных на эстонский язык текстах? Ответы на эти вопросы позволят нам сделать существенные, хотя и предварительные выводы об особенностях переводной учебной литературы в Эстонии конца 1940-х гг.

Известно, что переводы в школьных хрестоматиях в советское время на протяжении нескольких десятилетий были анонимными. При этом, однако, Министерство просвещения зорко следило за тем, чтобы репутация анонимных переводчиков была «безупречной» или «идеологически выдержанной». Уточним, с чем было связано усиление идеологического надзора за переводчиками учебников в Эстонии в конце 1940-х годов. Как пишет эстонский историк А. Касекамп, в 1947–1953 годы репрессии в Эстонии начались с новой интенсивностью, так как «целью советской власти была не простая военная оккупация, но полная советизация всех аспектов <...> жизни Балтии! [Касекамп: 228].

По словам Л. Пильд, с 1947 г. партийные деятели,

стали обращать гораздо больше внимания на политическую лояльность эстонских литераторов, на их деятельность как в период эстонской независимости, так и во время Второй мировой войны. Объектом пристального внимания Министерства просвещения стали и переводы пособий по русской литературе, авторами которых зачастую были известные эстонские поэты и прозаики. Прежде чем попасть в печать, перевод учебника или хрестоматийного текста проходил обязательное рецензирование. Идеологическому надзору подлежал сам способ перевода, приветствовалась, как и можно предположить, близость к русскоязычному оригиналу, а не отдаление от него. Однако как именно понимать близость к тексту-источнику, местные функционеры осознавали не очень хорошо, тем более, что конкретные инструкции из Москвы по этому вопросу в министерство и в секцию переводчиков в конце 1940-х гг., по-видимому, не поступали. Переводы учебно-педагогической литературы были, как правило, анонимными, поэтому для определения авторства этих работ необходимо обращаться к архивным материалам, либо идентифицировать переводчиков по более ранним публикациям тех же произведений в периодике или отдельными изданиями [Пильд 2017].

Таким образом, мы будем рассматривать деятельность переводчиков учебной литературы именно в тот период, когда усилился надзор за эстонскими литераторами. Нам удалось идентифицировать авторство отрывков из романа Максима Горького «Мать» и его повести «Мои университеты»; авторство переводов стихов модернистских поэтов – А.А. Блока и В.В. Маяковского.

Наша работа состоит из четырех глав. Первая глава называется «Структура переводного учебника Л.И. Тимофеева Современная литература для школьников XI класса». В первой главе мы рассматриваем содержательную и композиционную структуру переводного учебника для XI класса средних общеобразовательных школ Эстонии. Оригинал этого учебного пособия был написан известным советским литературоведом, теоретиком стиха, исследователем творчества Блока – Леонидом Ивановичем Тимофеевым. Как удалось установить, переводная версия учебника практически не отличается от оригинала.

Во второй главе «Структура оригинальной и переводной хрестоматии по современной литературе А.Дубовикова и Е. Северина» мы исследуем, как меняется состав двухчастной книги на эстонском языке по сравнению с оригинальной версией; изучаем изменения в структуре включенных в переводную хрестоматию текстов и делаем попытку выяснить причины таких изменений.

В третьей главе «Авторство переводных отрывков из романа Максима Горького „Мать“ и повести „Мои университеты“» мы характеризуем эти произведения, выявляем причины, по которым такие тексты были включены как в оригинальную, так и переводную хрестоматию. Как нам удалось установить, автором фрагментов горьковского романа был переводчик этого произведения писатель Нигол Андресен, бывший министр иностранных дел Эстонии и председатель Президиума Верховного Совета ЭССР. Его перевод романа «Мать» вышел впервые в 1936 году [Andresen 1936]. Автором переводных отрывков из повести «Мои университеты» была Бетти Альвер; текст Горького в хрестоматии совпадает с некоторыми разночтениями с переводом Альвер 1947 года [Alver 1947].

В четвертой главе «Авторство переводов поэзии А.А.Блока и В.В. Маяковского» дается краткая характеристика включенных в школьную хрестоматию оригинальных текстов поэтов-модернистов, говорится о рецепции этих поэтов в Эстонии на основе уже опубликованных статей и рассматриваются те переводы, авторов которых удалось установить. Как показал Вальмар Адамс еще в 1963 году, переводы из Блока в интересующем нас издании принадлежат Йоханнесу Семперу и Феликсу Котта. Как мы установили, часть переводов из Маяковского в хрестоматии принадлежат поэту и переводчику Феликсу Котта, а также писателю и переводчику Яану Кярнеру. Определить авторство переводов из Брюсова нам, к сожалению, не удалось, но в главе дается их характеристика в сопоставлении с оригинальными текстами.

В заключении мы подводим итоги нашему исследованию и обозначаем перспективы возможного будущего изучения темы.

Глава I

Структура переводного учебника Л.И. Тимофеева «Современная литература для XI класса»/Kaasaegne kirjandus XI klassile (1949)

В данной главе пойдет речь о содержательной и композиционной структуре переводного учебника «Современная литература для XI класса» средних общеобразовательных школ Эстонии. Оригинал этого учебного пособия был написан известным советским литературоведом, теоретиком стиха, исследователем творчества Александра Блока – Леонидом Ивановичем Тимофеевым. После окончания второй мировой войны в советских учебниках все больше усиливается «патриотическая» составляющая. По словам исследователя советской учебно-педагогической литературы Е.Р. Пономарева,

Патриотизм в годы войны становится абсолютной ценностью, центром новой идеологической парадигмы, ориентированной на победу. И русская литература в этой системе значений, воспринимается уже не как полигон для воспитания классовой идеологии, а как учебник патриотизма» [Пономарев].

В процитированной выше работе «Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940-1950-е годы)» содержится краткая характеристика нескольких изданий интересующего нас учебника в оригинале, т.е. на русском языке: «В 1946 году вышел учебник Л.И. Тимофеева «Современная литература», с 1949 года (4-е издание) он стал называться «Русская советская литература». Этот учебник выдержал 10 изданий и был выпущен в последний раз в 1955 году» [Там же]. Ученый обращает внимание на то, что в конце 1940-х годов содержательное наполнение учебного пособия меняется в соответствии с правительственным идеологическим курсом того времени:

В учебнике Тимофеева 1946 года половина текста еще посвящена предоктябрьской эпохе (правда львиную долю занимает рассмотрение творчества Горького как центрального этапа литературного процесса в целом). После переработки 1949 года (4-е издание) в учебнике останутся преимущественно советские авторы (например, исчезнет глава «Символизм», Блок и Брюсов перейдут в обзорную главу, посвященную первым советским поэтам) [Там же].

Как удалось установить, интересующий нас переводной учебник 1949 года воспроизводит структуру третьего издания книги Тимофеева, вышедшего в 1948 году. Эстонская версия учебника Л. И. Тимофеева «Современная литература» для XI класса была впервые напечатана в государственном издательстве «Педагогическая литература»/Pedagoogiline Kirjandus в 1949 году [Timofejev]. Композиционная структура учебного пособия почти полностью соответствует оригинальному изданию. Во введении дается характеристика советской литературы как принципиально нового этапа в развитии литературы мировой. Определяются основополагающие принципы советской литературы – «партийность» и «народность». Третьим важнейшим принципом, характеризующим развитие и советской, и всей русской литературы, по мнению автора учебника, является ее «патриотизм». Как пишет исследователь советской педагогической литературы, характеризуя издание 1946 года (которое почти без изменений было воспроизведено и в 1947 и в 1948 гг.),

вся русская культура, как на огромной фреске, выстраивалась в ряд, завершаемый последней вершиной: великой русской революцией или великой победой 1945 года. У Тимофеева, не ограниченного тем или иным веком развития литературы, ряд представлен предельно широко: «Любовь к родине, выносливость, верность долгу, воинское мужество — все это переходило от поколения к поколению, постепенно вырабатывало характер русского человека, который [человек?

характер? — *Е.П.*] выдвинул таких людей, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Первый, Суворов, Кутузов, Ломоносов, Пушкин, Л. Толстой, М. Горький, В. Ленин”<...>[Пономарев].

В конце введения к учебнику кратко характеризуется литературная ситуация 1890-х–начала 1900-х гг. и подготавливается переход к одному из самых объемных разделов учебника, посвященному биографии и творчеству А.М. Горького, – писателя, чье творческое наследие, с точки зрения Тимофеева, имеет мировое значение. Излагая биографию Горького, автор умалчивает о некоторых не подходящих для советского школьника фактах. Так, например, ничего не говорится о происхождении бабушки будущего прозаика из семьи профессиональных нищих, упоминается лишь о специальности отца Алексея Пешкова – столяр-краснодеревщик – и о мелком предпринимательстве деда по матери. Основной акцент в повествовании о детстве и отрочестве Горького сделан на раннем взрослении и многотрудных скитаниях подростка, связанных с необходимостью зарабатывать себе на жизнь и постоянной сменой занятий («дворник», «повар», «ночной сторож» и т.д.). Рассказывая о его скитальчестве по России, Тимофеев опирается преимущественно на факты, изложенные в первых двух частях автобиографической трилогии Горького «Детство» и «В людях»; акцентирует его «энциклопедическое» знакомство с родной страной.

Особое внимание уделяется истокам будущего творческого метода Горького, подчеркивается значение фольклорных произведений, сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Короленко. Все эти писатели входили во второй половине 1940-х гг. в советский литературный канон. Вместе с тем по понятным причинам не упоминается важность идей и поэтики немецкого философа Фридриха Ницше для становления Горького-прозаика. Наиболее важной особенностью творческого облика Горького, по мнению автора учебника, является связь с русской литературой XIX века и русским национальным характером. Подробно характеризуется близость Горького социал-демократическим организациям в конце XIX – начале XX вв.; упоминается встреча Горького и Ленина в Петербурге во время событий первой русской революции, акцентируется идейная поддержка, оказанная Лениным Горькому, в процессе его творческого развития; повествуется о годах, проведенных писателем в изгнании и возвращении в Россию в 1913 году. Отмечаются идеологические ошибки Горького, сотрудничавшего после Октябрьской революции в «полуменьшевистской» газете «Новая жизнь», а также заслуги Ленина и Сталина, помогавших писателю преодолеть идейные заблуждения. Послеоктябрьский период в творчестве Горького Тимофеев освещает столь же тенденциозно. Полностью замалчивается критика Горького в адрес новой власти, а его отъезд за границу (по требованию Ленина) объясняется плохим состоянием здоровья. По возвращении в Россию в 1928 году Горький, как пишет Тимофеев, включается в строительство социалистической культуры и создает выдающиеся художественные и публицистические произведения.

Автор акцептирует организаторскую деятельность Горького в конце 1920-х – 1930-е годы (председатель Союза писателей СССР, организация самых разнообразных культурных мероприятий и т.п.). Смерть Горького в 1936 году трактуется как насильственная: «подосланные убийцы» постепенно подорвали его здоровье. В конце рассказа о жизненном пути Горького Тимофеев приводит цитату из речи Молотова о Горьком, где «близкий народу» писатель, «великий сын великого народа» характеризуется как «предшественник пролетарской социалистической литературы».

Литературный путь Горького описывается Тимофеевым в контексте общего развития дореволюционной русской и советской литературы и завершается частью под названием «Пути развития советской литературы», где говорится о появлении нового героя в русской литературе после Октябрьской революции и укреплении социалистического реализма как

основного и единственно «правильного» метода советских писателей. Периодизация творчества Горького подразделяется на четыре этапа. При этом дореволюционный этап делится на три части (первый период творчества Горького охватывает 1890-е годы; второй – начало и середину 1900-х гг.). Третий период – это «Творчество Горького в годы реакции», который длится до Октябрьской революции; четвертый период – «послеоктябрьский». Уже в 1890-е гг., согласно Тимофееву, основным объектом интереса Горького становится «человек», «его страдания» и его «сила»; «человек» (герой) трактуется как герой преимущественно русской национальности:

Peamine, mis iseloomustab Gorki loomingut juba neil aastail, on erakordne huvi inimese vastu, elav vastukaja inimeste kannatusele. Ja samal ajal Gorki mitte ainult kõneleb inimese kannatustest – ta usub tema jõusse, püüab leida talle teed õnnele ja vabadusele. Ja kõige enam usub Gorki just vene inimese jõusse [Timofeev: 49].

Ранний Горький объявляется продолжателем существовавшей уже в XIX веке традиции «прогрессивного» или «революционного» романтизма, в центре его рассказов («Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Песнь о соколе» и др.) оказывается сильная и героическая романтическая личность, стремящаяся к «идеалу» и борющаяся за свободу. Как стремится показать Тимофеев, явно искажая концептуальную составляющую ранних рассказов Горького и вкладывая в них идею «патриотизма», уже в это время Горький говорил в своем творчестве о «величии духа» «русского народа».

Другую группу рассказов, где идет речь о существовании «униженных и оскорбленных» («Коновалов», «Супруги Орловы», «Скуки ради» и др.), Тимофеев противопоставляет «романтическим» произведениям и связывает с «критическим реализмом» XIX века. Уже в этот период в творчестве Горького формируются разные типы персонажей: («жертва», «эксплуататор» и «борец за свободу»). Новаторство Горького по сравнению с его предшественниками заключается в том, что он выводит героя – «босняка» в иной по сравнению со «старыми» реалистами трактовке. Горький не «сочувствует» «боснякам», а наделяет их способностью к протесту. Для Тимофеева важно, что первый период творчества Горького протекает параллельно с ростом революционного движения в России, кульминацией которого является первая русская революция (1905-1907). В 1900-е гг. (до 1907 г.) Горький развивает традиции критического реализма XIX века, изображая в романе «Фома Гордеев» купцов как «темную» социальную силу, а рабочих, как носителей новых тенденций социального роста. Образы рабочих углубляются и становятся более конкретными в пьесах Горького «Мещане», «На дне», «Враги» и др.

Таким образом, Горький, по Тимофееву, становится очевидцем и «летописцем» усиления новых, революционных общественных явлений. Рабочие Горького (Нил в «Мещанах», Греков в драме «Враги»), которые противопоставляют себя «хозяевам жизни» и воплощают «новую правду», подготавливают образ Павла Власова в романе «Мать» (1906). Этот роман, по Тимофееву, является центральным произведением в дореволюционном творчестве Горького. Трактовка романа не учитывает по идеологическим причинам «богостроительских» исканий Горького в 1900-е гг., его представлений о том, что современные революционеры заняты конструированием новой коллективной религии (см. об этом: [Басинский]). Тимофеев рассматривает «Мать» как произведение, написанное в большой степени на документальной основе, и усматривает «художественную силу» романа в непосредственных контактах Горького с «лучшими и передовыми слоями» рабочего класса в России:

Romaan on loodud reaalseste inimeste ja sündmuste põhjal, olles seega suurel määral dokumentaalne romaan. Romaani aluseks on Gorki võtnud Nižni-Novgorodis ja Sormovos 1901.-1902.a. aset leidnud sündmused (1. mai demonstratsioon Sormovos a.1902 ja Sormovo parteiorganisatsiooni liikmete kohtuprotsess). <...> Gorki kui kunstniku jõud põhines tema vahetul sidemel vene töölisklassi paremate ja eesrindlikumate kihtidega [Timofeev: 89-91].

В центре внимания Тимофеева оказываются в очередной раз образы героев и их внутренняя эволюция. Роман «Мать» в таком ракурсе описания выглядит не только как высшая точка литературных достижений самого Горького в дореволюционный период, но и как высшее достижение всей русской «революционно-демократической литературы», ведущей свое начало от Чернышевского и Некрасова. Вместе с тем, как считает автор учебника, в образе Павла Власова своеобразно совмещаются черты некоторых персонажей из предшествующего творчества самого Горького. Однако, в отличие от своих литературных прототипов, Павел Власов видит перед собой «ясные цели» и связывает их с реальной действительностью:

Väga suurt tähtsust omab romaanis Paveli kaju. Selle kujuga Gorki otsekui jätkab klassikalise revolutsioonilis-demokraatliku kirjanduse traditsioone, mis lõi rea vabadustarmastavate kangelaste kujusid (Grigori Dobrosklonov Nekrassovi poeemis „Kellel on Venemaal hea elada“, Rahmetov Tšernõševski romaanis „Mida teha?“), kuid annab samal ajal sellele täiesti uue sisu <...> Pavelis on ühinenud omapäraselt need jooned, mis avalduvad Gorki varasemate teoste kangelastes. <...> Paveli kujus näitab ta ka võitluse selgeltajutavaid eesmärke reaalses tegelikkuses [Timofejev: 100-101].

Роман объявляется главной удачей Горького еще и потому, что становится художественной реализацией нового, выработанного писателем на протяжении второго творческого периода метода, – социалистического реализма:

Nagu mäletame, arendas ja töötas Gorki oma esimesel loomisperioodil ümber kriitilise realismi ja revolutsioonilise romantismi traditsioone. Teine periood kujutab endast uue kunstilise meetodi lõpliku väljakujunemise perioodi [Там же: 107].

По мнению Тимофеева, социалистический реализм, созданный Горьким, – это художественный метод, синтезирующий в себе черты революционного романтизма и критического реализма:

Gorki andis romaaniga „Ema“ selle meetodi seni ületamata meistriteose. Me juba nägime, et ta ühendas realismi ja revolutsioonilise romantismi. Nende kahe meetodi ühendus ongi sotsialistliku realismi iseloomulikuks jooneks. Gorki kangelased on niihästi reaalsed inimesed kui ka säärased, millised peaksid inimesed olema, millisteks peaksid muutuma ja millisteks nad tegelikult ka muutuvad. Need tegelased on inimesed, kes on innustatud sotsialistlikest ideaalidest [Там же: 108]

Существенным выводом Тимофеева является его идея о том, что после создания нового художественного метода Горький становится признанным лидером литературного процесса в России. В последующих двух разделах о Горьком характеризуется творчество писателя в период реакции и его борьба с «не прогрессивными» направлениями в литературе начала века. Особое внимание Тимофеев уделяет противостоянию Горького «реакционным» литературным явлениям. Соответствующий раздел озаглавлен «Горький и литературная борьба в начале XX века». В начале этой части учебника идет речь о массовой «пролетарской» литературе и Демьяне Бедном как одном из ярких ее представителей. Таким образом «литература начала XX века» инкорпорирована в повествование о Горьком. «Упадочный» реализм и модернистские литературные течения не имеют самостоятельного значения, а упоминаются только потому, что явились объектом литературной «борьбы» «правильного» и «прогрессивного» писателя Горького. Эта особенность композиции учебника позволила Тимофееву хотя бы вкратце, но все-таки рассказать о жизненном и творческом пути «заблуждавшихся», но принявших Октябрьскую революцию Брюсова и Блока.

В этой же части раздела рассматриваются сочинения «реалистических» писателей. Л.Андреева, И. Бунина и А. Куприна, творивших в эпоху «упадка» «критического реализма», а также модернистские литературные направления и группировки, которым противопоставлена литературная деятельность Горького. Автор дает классовую оценку

русскому символизму и поэтике этого литературного направления, связывая его с «враждебным» отношением к реализму и упадочной «буржуазно-дворянской идеологией». Основными чертами символизма Тимофеев считает «крайний индивидуализм», стремление уйти от реальности в мир грез и фантазии. Основным жанром, который культивировали в своем творчестве символисты, была лирика, позволявшая развивать «субъективные» и «туманные» образы. Излишний субъективизм символистов не позволял им, как полагал Тимофеев, обращаться к прозе, поэтому прозаические жанры в их творчестве развивались менее интенсивно. В этом же подразделе кратко характеризуется поэзия Брюсова и Блока. В поэзии Брюсова выделены три темы: тема «сильного человека», тема «города» и «социальная тема». Наряду с двумя ключевыми образами в поэзии Блока («человек» и «Россия»), Тимофеев анализирует поэму Блока «Двенадцать» и стихотворение «Скифы», подчеркивая тем самым наибольшую значимость темы «революции» в творчестве этого поэта.

Отдельно рассматривается футуризм как литературное течение. Тимофеев противопоставляет западный и русский футуризм, подчеркивая в первом «агрессивную» и «империалистическую» направленность», «формалистскую» ориентацию в художественной теории. Литературная деятельность футуристов на Западе предвосхитила, по мнению автора, расовые и «фашистские» теории. В отличие от «западных» футуристов, творчество русских футуристов носило «антимещанский» характер. Таким образом, Тимофеев пытается реабилитировать русский футуризм. Идеи «бунта» и «протеста», характерные для произведений русских футуристов, были направлены против существующего строя. Тем не менее, как считает Тимофеев, ссылаясь на речь А.А. Жданова 1948 года, «новаторство» русских футуристов нельзя считать «прогрессивным», так как оно связано с «формализмом» в искусстве.

Вопреки реальной хронологии о футуризме и Маяковском в учебнике говорится до характеристики русского символизма. Характерно, что акмеизм, зародившийся параллельно с футуризмом, Тимофеевым вообще не упоминается. По мысли Тимофеева, вся литературная жизнь до Октября развивается под знаком Горького:

Niisiis kogu kirjanduslik elu 20. sajandil enne Oktoobrit areneb Gorki kirjandusliku loomingu tähe all. Gorki töötab välja sotsialistliku kirjanduse kunstilise meetodi alused, ta võitleb kõige vastu, mis ei ole sellega kooskõlas [Timofejev:184].

Заканчивается раздел параграфом, характеризующим основные этапы развития советской литературы. После революции, по мысли автора, происходит коренная перестройка общественной и литературной жизни, углубляется «патриотизм русских людей», в России начинается строительство социалистической культуры и принципиально новый этап в развитии русской литературы.

В этом же параграфе характеризуются ключевые произведения советских авторов, канонизированных в современной литературе: «Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова, «Цемент» Ф. Гладкова, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Василий Теркин» А. Твардовского и некоторые другие. Все эти литераторы изображали в своих произведениях «нового героя», воплощавшего лучшие черты русского национального характера.

Обширная часть учебника, посвященная Горькому, заканчивается разделом о последнем, послеоктябрьском периоде его творчества. Характеризуются два романа Горького, созданные в это время: роман о «поколениях» «Дело Артамоновых», завершающий «критику капитализма», и «хроника» «Жизнь Клима Самгина» об «упадочном» интеллигенте-индивидуалисте, также посвященная дореволюционной действительности и

названная Тимофеевым по следам Белинского «энциклопедией русской жизни». Отдельно подчеркивается заслуга Горького в его борьбе с фашизмом:

Suure Isamaasõja päevil etendas Gorki looming tohutut osa: tema kujud, tema leegitsev patriootiline sõna, tema õilsad ideaalid, mis kutsusid inimkonda õnnele ja rõõmule, olid üheks neist lippudest, mille all Nõukogude armee võitlejad läksid lahingusse ja purustasid fašistlikud hordid [Timofejev:222].

Следующий раздел учебника посвящен биографии и творчеству В.В. Маяковского, однако, эта часть не столь обширна: она не делится на отдельные параграфы и не включает в себе, подобно предшествующему разделу, подробного описания развития советской литературы. В разделе обосновывается новаторство поэзии Маяковского и характеризуются те произведения, которые напечатаны в хрестоматии для XI класса. Как и в разделе о Горьком, автор учебника подчеркивает мировое значение поэзии Маяковского. Тимофеев пытается реабилитировать лирику как жанр, дискредитированную «субъективизмом» символистских поэтов, и сближает ее с агитационной поэзией, характерной для Маяковского:

Nimetades Majakovskit „poediks-agitaatoriks“ ei ütle meie sellega, et ta ei ole lüürik, vaid ainult kriipsutame alla, et ta lüürikas on tähtis koht poliitilise iseloomuga teemadel, et omadused, millele rajaneb ta luuletuste enamik, äratavad meis ühiskondlikku aktiivsust, kutsuvad tööle ja võitlusele [Там же:288].

Определяя литературную традицию, которую продолжает Маяковский, Тимофеев называет отчасти тех же авторов, которые, по его мысли, характеризовали литературную генеалогию Горького (Пушкин, Лермонтов, Некрасов), т.е. поэтов, канонизированных в советской литературе. Поскольку Маяковский «советский» поэт, то Тимофеев говорит об отсутствии идей «национальной исключительности» в его лирике. Важнейшими идейными особенностями творчества Маяковского являются «патриотизм» и «гуманизм», а стиховое новаторство поэта Тимофеев пытается отграничить от «формализма», не считая его стиховое экспериментаторство чем-то «внешним», отдельным от содержания. Декларируется «демократичность» поэтической реформы Маяковского:

Majakovski novaatorlikkus ei ole midagi formaalset, välist ta loomingu sisu suhtes. See on tolle lüürilise iseloomu joon, mis on väljendatud ta luules [Там же:289];

Majakovski lüüriline kangelane reageeris elu peamistele küsimustele. Ta kõneles neist nimelt selles keeles, mis vastas kõige täielikumalt inimese nende elamuste iseloomule, mis see elu oli esile kutsunud<...> ta <...> leiutas nimelt need keelelised vormid, mis vastasid masside meeolule enne revolutsioonilist plahvatust [Там же:301-302].

Литературная репутация Маяковского укрепляется фрагментом «Маяковский о Сталине», в частности, приводится следующее высказывание Сталина:

Majakovski oli ja jääb meie nõukogude epohhi kõige paremaks, kõige andekamaks poediks [Timofejev:291].

Отдельно рассматривается «образ человека» в дореволюционных поэмах Маяковского «Флейта-позвоночник», «Война и мир», «Человек». Демонстрируется, как Маяковский постепенно углубляет в своих поэмах противопоставление «человеческого» и капиталистического» начал; все три поэмы Тимофеев связывает с идеей «ожидания социалистической революции»:

Inimliku ja kapitalistliku vastandamine, mis üldse omab suurt kohta Majakovski revolutsioonieelses loomingu, on väljendatud poemis „Inimene“ kõige sügavamalt ja täielikumalt [Там же:312];

Vaba inimese üldinimlik idee, mis on seoses juba poeemi „Pilv pükstes“ sotsialistliku revolutsiooni ootega, põimub siin tunnetega Venemaa suurest panusest maailmakultuuri. Humanism ja patriotism on Majakovski loomingus tihedalt seotud juba revolutsioonieelsel perioodil [Там же].

Постреволюционное творчество Маяковского характеризуется гораздо более подробно, подчеркивается, что поэт сразу же сумел найти «правильную политическую цель». Приняв Октябрьскую революцию и ее идеалы, Маяковский концентрируется на сатирическом и агитационном направлении в своих стихах. Борьба с «пережитками старого строя», «недостатками, возникшими уже при новом порядке», отражается в таких произведениях Маяковского, как «Прозаседавшиеся» (стихотворение получило высокую оценку Ленина), «Бюрократы», «Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе» и др.). Главное место уделяется рассмотрению поэмы «Владимир Ильич Ленин». Здесь в очередной раз автор учебника доказывает связь послереволюционного Маяковского с его ранними взглядами и творчеством (участие в революционном движении; изучение трудов Ленина в ранней молодости, которое продолжалось и после Октября; стихотворные тексты о Ленине). Замыслы более ранних стихов о Ленине углубляются и развиваются в поэме. Основной чертой характера вождя в поэме становится его глубокая человечность. По мысли Тимофеева, которую он приписывает Маяковскому, человечность – это и есть определяющее начало характера настоящего русского человека:

Sügav inimsus – see osutubki Majakovski poeemis Lenini kuju määravaks jooneks. Lenin on eelkõige inimene, kes kehastab kõige suuremas täiuslikkuses seda, mis Majakovski meelest oli üldse kõige omasem tõelisele vene inimesele: selge teadvus, julge mõte ja avar inimeste poole pööratud süda [Тимофеев: 331].

Следующая часть раздела посвящена критике капиталистического Запада в творчестве Маяковского, что, по мысли Тимофеева, видимо, должно было окончательно реабилитировать поэта с неоднозначным футуристическим прошлым. Ведущими темами в поэзии Маяковского советского периода Тимофеев считает тему «революции» и тему «Родины», что доказывается на материале поэмы «Хорошо» и «Во весь голос». Творчество Маяковского объявляется одним из самых ярких доказательств мощи советской культуры. Характерно, что автор учебника умалчивает о трагическом финале жизни Маяковского.

Следует отметить, что анализы стихотворений и поэм Маяковского, приведенные в учебнике, свидетельствуют, в первую очередь, о стремлении Тимофеева противопоставить Маяковского как «правильного» поэта другим футуристам, занимавшихся радикальными поэтическими экспериментами. Приведем один пример из анализа поэмы «Облако в штанах»:

Poeemi lugemisel tõmbavad endale eriti tähelepanu neologismid – keelesse esmakordselt sisse toodud uued sõnad. Meenutagem, et „sõnaloomingut“ propageeriti futuristlike koguteoste deklaratsioonides. Hoolimata sellest on Majakovski luuletustes linnast, mis avaldati neis kogumikes, neologismid väga haruldased [Там же].

Третий раздел учебника Тимофеева посвящен биографии и творчеству Алексея Николаевича Толстого. Биографическая часть очень лаконична, о жизненном пути Толстого идет речь лишь на двух первых страницах раздела. Предельно кратко охарактеризовано и дореволюционное творчество Толстого. Такая лаконичность объясняется влиянием на Толстого символизма в ранний период его творчества. Символизм ассоциировался в конце 1940-х гг. с «декадентством» и особо понятием «формализмом», поэтому А.Н. Толстой, являвшийся ко времени выхода учебника трехкратным лауреатом Сталинской премии, не мог быть «запятнан» контактами с неугодным советской власти литературным направлением. Основное внимание в разделе уделяется разбору романа «Петр Первый», фрагменты которого включены во вторую часть переводной Хрестоматии для XI класса. Как и предыдущих частях учебника, где говорилось о Горьком и Маяковском, обозначается связь анализируемого автора с

предшествующей литературной традицией. Тимофеев типологически сопоставляет Толстого с Пушкиным:

Nagu iga teinegi suur kunstnik, pöördub A. Tolstoi ajaloo poole sellepärast, et ta püüab selle abil teadlikuks saada teda ümbritsevast elust, mõista mineviku kogemuste põhjal seadusi, mis juhivad olevikku. Nii näiteks Puškin neil päevil, mil valmistati ette dekabristide ülestõusu, kirjutas „Boriss Godunovi“, milles ta näitab, et võitlus võimu pärast ei ole mõeldav ilma rahva toetuseta [Timofeev: 375].

Более подробно характеризуется образ Петра Первого и некоторых других персонажей в произведении Толстого. Как и в предыдущих разделах учебника, автор сосредотачивается на рассмотрении образа главного героя романа, отражающего черты русского национального характера, и полностью оправдывает все имперские амбиции Петра:

Ebatavaliselt tugevasti on Peetris arenenud rahvusliku uhkuse tunne, mis sunnib teda kirglikult taotlema vene elu mahajäämuse kaotamist<...>Suurepäraselt on ta näidanud kõige tähtsamat vene rahvuslikku joont – püsivust, visadust seatud eesmärgi saavutamisel. Ebaõnnestumised ainult karastavad Peetrit, ainult kõvendavad ta eesmärgi taotlemist [Там же:376].

Внимание уделяется и анализу языка романа «Петр Первый», подчеркивается успешное решение Толстым проблемы дистанцированности от изображаемого в романе времени: писатель не перегружает текст архаизмами:

Ta kangelased kõnelevad peamiselt sõnadega, mis osutuvad ühisteks nii minevikule kui ka käesolevale ajale <...>Tolstoi immutab oma tegelaste keelt iganenud ja ebatavaliste sõnade ja kõnekäändudega väga ettevaatlikult, mis annab, küll nende kõnele endisaegsuse aroomi, aga ei hävita samal ajal nende keele arusaadavust ja mõistetavust [Там же:383].

Поскольку в послевоенный период актуальной в официальной культуре становится фигура Ивана Грозного, которая проецируется на Сталина, то в разделе обращается также внимание на пьесу Толстого «Иван Грозный». Из других сочинений Толстого кратко характеризуются только пьеса «Хлеб» и прозаическая трилогия «Хождение по мукам».

В следующих двух разделах учебника идет речь о биографии и творчестве М.М. Шолохова и А.А. Фадеева. Шолохов охарактеризован как автор романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Однако большее внимание уделено особенностям художественной структуры последнего произведения, в котором выделены «образы коммунистов». В творчестве Фадеева отдельно рассматриваются ранние новеллы, романы «Разгром» и «Последний из Удэге». В основном, однако, автор фокусируется на романе «Молодая гвардия», разбору которого посвящена большая часть раздела. Помимо идейной проблематики романа отдельно рассматриваются особенности композиции и языка этого сочинения Фадеева. В последних разделах учебника уделяется внимание литературе народов СССР. Помимо общей характеристики этой литературы, отдельно рассматривается творчество Сулеймана Стальского, Джамбула Джабаева, Павло Тычины, Янки Купалы, Аветика Исаакяна и Галактиона Табидзе.¹

Как уже говорилось в начале главы, учебник под названием „Kaasaegne kirjandus XI klassile“ вышел в свет в 1949 году в издательстве „Pedagoogiline kirjandus“. Это учебное пособие должно было использоваться на уроках по современной русской литературе в комплексе с двухчастной переводной хрестоматией, авторами которой были Алексей Дубовиков и Евгений Северин, появившейся в печати в том же 1949 году[Lugemik I; Lugemik II].

¹ О социалистическом реализме в эстонской литературе советского периода см., напр.: [Kangilaski];[Märka].

Глава II

Структура оригинальной и переводной хрестоматий по современной литературе А.Дубовикова и Е. Северина

Рассмотрим теперь содержание и композицию оригинальной версии хрестоматии по современной литературе, которую составили А. Дубовиков и Е. Северин. Как мы полагаем, переводная книга была составлена и переведена по девятому изданию Хрестоматии Дубовикова и Северина «Современная литература» для X класса средней школы [Хрестоматия I; Хрестоматия II], вышедшему в 1948 году в «Государственном учебно-педагогическом издательстве Министерства просвещения РСФСР». Эстонская версия хрестоматии Дубовикова и Северина отличалась от оригинальной. Хотя переводное учебное пособие было также двухчастным, состав текстов, включенных в эстонскую хрестоматию, как мы постараемся показать ниже, был несколько иным.

Первая часть оригинального издания начиналась со статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература». За статьей следовали тексты постановлений «О политике партии в области художественной литературы (Резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г.), «О перестройке литературно-художественных организаций (постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.), «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.), а также «Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей» и «Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.)» А.А. Жданова.

Из текстов Горького в первой части оригинала хрестоматии были представлены рассказ «Старуха Изергиль», пьеса «На дне», очерк о Ленине «Человек», очерк «Город Желтого Дьявола», сокращенная версия повести «Мои университеты», эссе «О том, как я учился писать», очерки «Если враг не сдается, его уничтожают», «О языке», «О культурах», «О новом человеке» и «Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей». Завершалась горьковская часть хрестоматии некрологическим очерком В.В. Молотова «Памяти Горького (речь на похоронах Горького)». Сравним этот перечень с репрезентацией сочинений Горького в переводном учебном пособии. Из эстонского издания были элиминированы «Человек», «Город Желтого Дьявола», «О том, как я учился писать». Однако отсутствие этих текстов компенсировалось сокращенной версией романа Горького «Мать», которой не было в русской хрестоматии. Как мы видим, ранний Горький (если не считать «Старуху Изергиль») в хрестоматиях не представлен. Вслед за прозой Горького в оригинальном издании были помещены стихи канонизированного в советском контексте поэта-символиста – Валерия Брюсова («Ассаргадон», «Каменщик», «Кинжал», «Довольным», «Городу», «Хвала человеку», «Работа», «Третья осень», «Товарищам-интеллигентам», «К русской революции»). В эстонское издание вошли только шесть стихотворений Брюсова („Müürsepp“/ Каменщик, „Pistoda“/ Кинжал, „Linnale“/Городу, „Kiitus inimesele“/ Хвала человеку, „Seltismeestele intelligentidele“/ Товарищам-интеллигентам, „Vene revolutsioonile“/К русской революции). Подборка стихов из поэзии Брюсова демонстрирует «классовую» и «революционную» направленность творчества поэта-символиста, в эстонской версии хрестоматии эта черта усилена (отсутствуют стихотворения «Ассаргадон» и «Работа», где классовая и революционная тематика представлена не столь явно).

Поэзию Блока в русскоязычной хрестоматии представляют стихотворения «Ветер принес издалека», «Фабрика», «Сытые», «Незнакомка», «О, весна без конца и без краю...», «О

доблестях, о подвигах, о славе...», первый текст из цикла «На поле Куликовом», стихотворения «Россия», «Да. Так диктует вдохновение...», отрывки из поэмы «Возмездие» и поэма «Двенадцать». В эстонской версии представлены стихотворения „Sõõnud“/ Сытые, „Kulikovo väljal“/ На поле Куликовом, „Venemaa“/Россия и поэма „Kaksteist“/Двенадцать. Таким образом, мы видим, что лирика Блока в переводной хрестоматии, в отличие от оригинальной, репрезентирует только патриотическую, «классовую» и революционную темы. Из поэтов-футуристов в советской литературе был канонизирован только В.В. Маяковский. Дубовиков и Северин включили в хрестоматию поэму «Владимир Ильич Ленин» в сокращении, стихотворения «Блэк энд Уайт», «Домой», «Товарищу Нетте – пароходу и человеку», «Разговор с фининспектором о поэзии», «Стихи о советском паспорте», отрывки из поэмы «Хорошо», первое вступление к поэме «Во весь голос». В эстонском издании стихи Маяковского включены не в первую, а во вторую часть хрестоматии, его творчество представлено теми же текстами, что и в оригинальной хрестоматии.

Брюсов, Блок и Маяковский – три поэта, которые представляют в рассматриваемом оригинальном учебном пособии период модернизма. Все другие поэты относятся уже к советской эпохе. Это Эдуард Багрицкий (в хрестоматию вошли поэма «Дума про Опанаса» и стихотворение «А.С. Пушкин»), Александр Твардовский (отрывки из поэмы «Василий Теркин»), Михаил Исаковский («Мстители», «Здесь похоронен красноармеец», «Девичья песня», «Письмо землякам»), Николай Тихонов («Киров с нами», «Три кубка»; опубликованы также два из «Ленинградских рассказов» Тихонова – «Старый военный» и «Девушка»), Вера Инбер (первая глава из поэмы «Пулковский меридиан»), Константин Симонов (стихотворения «А. Суркову» и «Жди меня»; напечатаны и отрывки из повести Симонова «Дни и ночи»), Степан Щипачев (стихотворения «О снежинке», «Подсолнух», «Любовью дорожить умеете...», «Поезд в полночь уходил на фронт...», «Солдат»), Маргарита Алигер (отрывки из поэмы «Зоя»), Алексей Сурков (стихотворения «Разведчики вышли к Днепру», «И день и ночь», «Аллея побед», «День торжества»). Стихи Суркова были помещены в хрестоматию последними.

Как мы видим, и композиция, и содержание подборки стихов советских поэтов в оригинальной хрестоматии были связаны с темой Великой отечественной войны, а заканчивалась первая часть книги стихами о победе. Именно этот раздел хрестоматийных текстов, помещенных в первой части учебного пособия Дубовикова и Северина, представлен в эстонской версии издания наиболее скупо. Отчасти позицию составителей можно объяснить тем, что большинство военных стихов советских поэтов не были к моменту составления хрестоматии переведены на эстонский язык. С другой стороны, очевидно, что переводная поэзия усваивается учениками гораздо хуже, чем оригинальная, что, по-видимому, также было принято во внимание эстонскими составителями. В переводную хрестоматию вошли лишь перечисленные выше тексты Тихонова (за исключением стихотворения «Три кубка»), отрывки из поэмы Твардовского, стихотворения «Мстители» и «Здесь похоронен красноармеец» („Punaarmeeelase haual“) Исаковского, отрывки из поэмы Инбер и поэмы Алигер.

В первой части хрестоматии Дубовикова и Северина находим и советскую прозу. Здесь помещены фрагменты из романа Алексея Толстого «Петр Первый». Отметим, что на эстонский язык этот роман перевел классик эстонской прозы Фридеберт Туглас. Как показала Л. Пильд в статье «К истории одного анонимного перевода: роман Алексея Толстого «Петр Первый» в «Хрестоматии» для эстонских школьников XI класса», автором перевода отрывков в хрестоматии является также Туглас, несмотря на то, что Министерство образования было заинтересовано в другом переводчике:

Несмотря на то, что министр просвещения Рауд выразил несогласие с позицией секции переводчиков и правлением Союза эстонских писателей, в «Хрестоматии» 1949 г. был опубликован

перевод Фр. Тугласа, а не Л. Оямаа. Как показывает проведенное нами сопоставление текстов отдельного издания романа «Петр Первый» и фрагментов из школьной «Хрестоматии», текст последней почти ничем не отличается от текста книги, в переводе сохранены эстонские названия географических объектов (правда, имя Ивана Грозного все же транскрибировано, а не переведено [Пильд 2017: 306-307]).

Исследовательница приходит к выводу, что:

позицию Министерства просвещения по вопросам репрезентации эстоноязычной версии романа Толстого «Петр Первый» в школьной хрестоматии можно рассматривать как начало репрессий, направленных против прозаика Фр. Тугласа, которому в 1950 г. на VIII, мартовском пленуме Эстонской компартии будет предъявлено обвинение в «буржуазном национализме»; решением пленума его исключат из Союза писателей и лишат звания народного писателя ЭССР; его оригинальные сочинения будут находиться под запретом до 1954 г., а его фамилия как переводчика будет тщательно закрашиваться в печатных изданиях черной тушью.

В марте 1950 года состоялся VIII пленум эстонской компартии, решения которого привели к репрессиям многих видных деятелей литературы, искусства, образования, политики. Их всех обвинили в «буржуазном национализме». Прочитируем совместную статью Карьяярма и Лутса:

Pleenumi kõnedes said halvaks panu osalisteks loomingulise intelligentsi esindajatest kõige enam N. Andresen, H. Kruus ja J. Semper kui „paadunud kodanlikud natsionalistid“ (Aleksander Ansberg), kodanlik-menševistliku ideoloogia kolm vaala“ (Max Laosson), samuti F. Tuglas – eesti sümbolistide peamees, kirjanik-dekadent“ (I. Käbin)“ reaktioonilise intelligentsi iidol ja juht, „kodanluse paavst ja peaiidol kultuurivallas“ (M. Laosson) [Karjahärm, Luts: 2005: 112];

1950-1951. aastal heideti Kirjanike Liidust välja J. Semper, P. Viiding, A. Sang, K. Merilaas, B. Alver, H. Raudsepp, E. Hubel (Mait Metsanurk), L. Anvelt, A. Taar, A. Tassa, F. Tuglas, O. Tooming, B. Linde, L. Kibuvits, M. Sillaots, R. Roht. 1949. aastal pandi vangi Paul Ambur, Eduard Visnapuu, Rein Sepp, Armand Tungal, Friido Toomus. 1949. aasta suurküüditamisega viidi koos perega Siberisse tulevased kirjanikud Erik Püvi, Arvo Valton Rein Saluri. 1950. ja 1951. aastal arreteeriti N. Andresen, K. Kask, H. Raudsepp, L. Kibuvits, Elmar Kuusik (Elar Kuus), Herta Laipaik, Erna Siirak, Tõnis Braks, O. Tooming, B. Linde. 1952. aastal arreteeriti Paul Viies. [Karjahärm, Luts: 2005: 121].

Возвращаясь к хрестоматиям, отметим, что, кроме фрагментов из романа «Петр Первый», в русскоязычную хрестоматию был включен рассказ «Русский характер», отсутствующий в эстонском издании. Творчество советских прозаиков было представлено и отрывками из романа Михаила Шолохова «Поднятая целина», романа Александра Фадеева «Молодая гвардия». И те, и другие фрагменты присутствуют в эстоноязычной версии хрестоматии. Переведен на эстонский язык также рассказ Шолохова «Наука ненависти» („Vihkamise kool“). Все перечисленные выше тексты советских поэтов и прозаиков помещены во второй части переводной хрестоматии.

Теперь кратко охарактеризуем вторую часть оригинального издания хрестоматии Дубовикова и Северина. Если в первой части издания помещены сочинения русско-советских писателей, то здесь собраны тексты писателей союзных республик. Хрестоматия имеет подзаголовок «Литература народов СССР». Из эстонских произведений мы находим здесь «Жизнь в цитадели» Аугуста Якобсона в переводе Леона Тоома. Вторая часть хрестоматии Дубовикова и Северина на эстонский язык не переведена. Таким образом, двухчастная структура издания сохраняется в эстонской версии, но это происходит за счет распределения текстов русскоязычной первой части по двум книгам эстонской версии

Глава III

Авторство переводных отрывков из романа Максима Горького «Мать» и повести «Мои университеты».

В этой главе мы рассмотрим некоторые фрагменты из художественных текстов, опубликованных в переводной хрестоматии для XI класса, и определим авторство некоторых переводов. В первую очередь, мы остановимся на переводах фрагментов из романа М. Горького «Мать». Впервые роман «Мать» на эстонском языке был опубликован в 1934 году в переводе Эдуарда Юргенфельдта и напечатан в издательстве Товарищества иностранных рабочих в СССР „Leningradi külvaja“/Ленинградский сеятель. В статье Х. Йохани/Н. Johani „Maksim Gorki eesti keeles“/Максим Горький на эстонском языке, помещенной в газете „Sirp ja Vasar“/Сирп я Вазар от 16 июня 1951 года, отмечается, что после Октябрьской революции сочинения Горького на эстонском языке публиковались в Ленинграде:

Pärast 1917.a avaldati Gorki teoseid eesti keeles aga Nõukogude Liidus Leningradi kirjastuse poolt. Nii ilmus 1917-1936. aastatevahemikul 8 iseseisvat teost kogutiraažiga 16 000 eks. ja 22 tööd eestikeelsetes ajakirjades <...> Tähtsama sündmusena tuleks siin esile tõsta Gorki romaani „Ema“ esmakordset ilmumist eesti keeles 1934. aastal NSV Liidu Välismaatöölise Kirjastusühisuse väljaandel [SV: 3].

Следующее издание романа Максима Горького «Мать» на эстонском языке вышло в 1936 году в переводе Нигола Андресена [Andresen 1936]². Переиздание этого перевода было осуществлено уже в советское время, в 1946 году, тиражом в 10 200 экземпляров [Andresen 1946].³ Следует отметить, что в перевод 1946 года, осуществлявшийся в рамках большой кампании переводов русско-советской литературы на эстонский язык (см. об этом: [Torop: 142]), которая началась после окончания второй мировой войны, были внесены исправления. Приведем несколько параллельных примеров из двух эстоноязычных версий горьковского сочинения в сопоставлении с оригиналом. Так, например, изменения вносятся уже в самый зачин романа:

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы [Горький];

Igal päeval töölisaevi kohal suitsuses, õlises õhus värises ja möirgas vabrikuvile, kuulekatena kutsle jooksis väikestest hallidest majadest ehmunud prussakatena tusaseid inimesi, kes veel polnud jõudnud värskendada unega oma lihaseid [Andresen1936:13];

Iga päev värises ja möirgas vabrikuvile töölisaalevi kohal suitsuses õlises õhus, ja järgnedes kutsle jooksis väikestest hallidest majadest nagu ehmunud prussakaid tusaseid inimesi, kes veel polnud jõudnud unega oma lihaseid värskendada [Andresen1946:7].

Как мы видим, в переводе 1946 года текст адаптирован для широкого читателя, точного следования порядку слов автора оригинала здесь больше нет. В частности, обстоятельственные конструкции перемещаются в позицию после подлежащего (ср.:

² См.: *Gorki M. Ema*. Tallinn, 1936. *Tõlk*. Nigol Andresen.

³ См.: *Gorki M. Ema*. „Ilukirjandus ja Kunst“. Tallinn, 1946. II trükk. *Tõlk*. Nigol Andresen.

„Igal päeval töölisalevi kohal suitsuses, õlises õhus värises ja mõirgas vabrikuvile...“ и: „Iga päev värises ja mõirgas vabrikuvile töölisalevi kohal suitsuses õlises õhus“).

В издании 1946 года заменяются также некоторые устаревшие слова и грамматические формы:

Так ее, стерву старую! – раздался злорадный крик. Что-то черное и красное на миг ослепило глаза матери, соленый вкус крови наполнил рот. *Дробный*, яркий взрыв криков оживил ее [Горький];

Nii talle, vanale raipele! – kuuldus kahjurõõmus hüüe. Midagi musta ja punast pimestas hetkeks ema silmad, vere soolane maitse täitis suu. *Laialine*, hele hüüete hoog elustas teda [Andresen 1936:296];

Nii talle, vanale raipele! kuuldus kahjurõõmus hüüe. Midagi musta ja punast pimestas hetkeks ema silmad, vere soolane maitse täitis suu. *Killustatud* hele hüüete hoog elustas teda [Andresen 1946: 379].

Ср. также:

Медленно прошел день, бессонная ночь и еще более *медленно* другой день. Она ждала кого-то, но никто не являлся. Наступил вечер. *И – ночь*. Вдыхал и шаркал по стене холодный дождь, в трубе *гудело*, под полом возилось что-то. С крыши капала вода, и унылый звук ее падения странно сливался со стуком часов. Казалось, весь дом тихо качается, и все вокруг было ненужным, омертвело *в тоске*... [Горький];

Pikaliselt läks päev, unetu öö ja veel *pikalisemalt* teine päev. Ema ootas kedagi, kuid kedagi ei tulnud. Saabus õhtu. Ja öö. Mõõda seina ohkas ja kraapis külm vihm, korstnas *hulus*, ja põranda all liikus midagi. Katuselt tilkus vett, ja ta langemise nukker hääл sulas imeliselt kokku kella tiksumisega. Näis, et kogu maja kõigub tasa, ja kõik ümber oli tarbetu, surnud *nukruses*... [Andresen 1936:65];

Pikaliselt möödus päev, uneta öö, ja veelgi *pikaldasemalt* teine päev. Ema ootas kedagi, kuid keegi ei tulnud. Saabus õhtu. Ja – öö. Mõõda seina ohkas ja kraapis külm vihm, korstnas *ulgu*s ja põranda all liikus midgi. Katuselt tilkus vett, ja ta langemise nukker hääл sulas imeliselt kokku kella tiksumisega. Näis, et kogu maja kõigub tasa, ja kõik ümber oli tarbetu, surnud *nukrusesse*... [Andresen 1946:77].

Второе издание романа Горького «Мать» в переводе Андресена совпадает с текстом, помещенным в переводной хрестоматии А. Дубовикова и Е. Северина для XI класса. Приведем несколько параллельных фрагментов из оригинального текста, перевода Андресена и хрестоматии. Приводим здесь отрывки, которые показывают, что текст при включении в хрестоматию редактировался. Кто осуществлял редактуру, осталось нам неизвестным. Выскажем предположение, что это мог делать редактор, корректор или даже сам автор. Редактура носит большей частью чисто технический, а не концептуально-смысловой характер: некоторые слова заменяются синонимами („*alaline*“ вместо „*alaline*“), некоторые конструкции корректируются грамматически (вместо раздельного написания двух слов или словосочетания появляется слитное слово: „*viksihais*“ вместо „*viksi hais*“; „*emasüda*“ вместо „*ema süda*“ и т.д.).

И когда легла спать – ей думалось, что никогда еще жизнь ее не была такой одинокой, голой. За последние годы она привыкла жить в *постоянном* ожидании чего-то важного, доброго [Горький];

Ja magama heites mõtles ta, et kunagi veel pole elu olnud nii üksik, paljas. Viimasteil aastail ta oli harjunud elama millegi tähtsa, hea *alalises* ootuses [Andresen 1946:76];

Ja magama heites mõtles ta, et kunagi veel pole elu olnud nii üksik, paljas. Viimaseil aastail oli *ta* harjunud elama millegi tähtsa, hea *alalises* ootuses. [Lugemik I:172].

В комнате было тесно и *почему-то* сильно пахло ваксой. Двое жандармов и слободский пристав Рыскин, громко топая ногами, снимали с полки книги и складывали их на стол перед офицером [Горький];

Toas oli kitsas ja millegipärast tugev *viksi hais*. Kaks sandarmit ja alevi pristav Rõskin trampisid kõvasti, võtsid riulilt raamatuid ja panid need ohvitseri ette lauale [Andresen 1946: 52];

Toas oli kitsas ja millegipärast tugev *viksihais*. Kaks sandarmit ja alevi pristav Rõskin trampisid kõvasti, võtsid riulilt raamatuid ja panid need ohvitseri ette lauale. [Lugemik I:158].

На это есть особые причины! – ответил он, подняв палец кверху. – Так, значит, решено, мамаша? Завтра мы вам доставим материала, и снова завертится пила разрушения вековой тьмы. Да здравствует свободное слово, и да здравствует сердце матери! А пока – до свиданья! [Горький];

Selleks on erilised põhjused, vastas ta sõrme tõstes. Sellega on siis asi selge! Homme toome oma asjad siia, ja jälle pannakse käima põlise pimeduse purustamise saag. Elagu vaba sõna, elagu *ema süda*! Seniks nägemiseni! [Andresen 1946: 81];

Selleks on erilised põhjused vastas ta sõrme tõstes. Sellega on siis asi selge! Homme toome oma asjad siia, ja jälle pannakse käima põlise pimeduse purustamise saag. Elagu vaba sõna, elagu *emasüda*! Seniks nägemiseni! [Lugemik I:175].

В переводной хрестоматии фрагменты из романа «Мать» представлены на 93 страницах, многие главы публикуются полностью. Из первой части романа опущены главы VII-VIII, XI, XV-XX, XXVIII. Из второй части выпущены главы II-XXIII, XXVIII. XXVII глава представлена небольшим фрагментом. Именно во второй части романа происходят глубокие изменения во внутреннем мире Ниловны. Она начинает понимать своего сына через христианскую идею. Павел и его друзья объясняют ей, что самодержавная власть обманула народ «богом», и что церковь проповедует неправильного Христа. Конечно, такие идеи, выраженные, например, в главе VIII второй части книги, оказывались «не пригодными» для советского школьника. Христианская тема, однако, исключается из переводной Хрестоматии не целиком, в книгу включен эпизод с картиной, которую приносит домой Павел Власов:

Однажды он принес и повесил на стенку картину трое людей, разговаривая, шли куда-то легко и бодро.

– *Это воскресший Христос идет в Эммаус!* – объяснил Павел.

Матери понравилась картина, но она подумала: «Христа почитаешь, а в церковь не ходишь...». Все больше становилось книг на полке, красиво сделанной Павлу товарищем-столяром. Комната приняла приятный вид. Он говорил ей «вы» и называл «мамаша», но иногда, вдруг, обращался к ней ласково:

– Ты, мать, пожалуйста, не беспокойся, я поздно возвращусь домой... Ей это нравилось, в его словах она чувствовала что-то серьезное и крепкое [Горький];

Kord ta tõi ja pani seinale pildi – kolm meest jutustasid ja läksid kuhugi kergelt ja vapralt. „See on ületõusnud Jeesus, läheb Emmausesse“, seletas Pavel. „Emale pilt meeldis, kuid ta mõtles: „Jeesust austad, aga kirikus ei käi...“ Ikka enam raamatuid tekkis riulile, mille oli teinud talle tiserist seltsimees. Tuba sai meeldiva välimuse. „Sina, ema, ära muretse, tulen hilja koju.“ Poja sõnades ema tundis midagi tõsist ja kindlat [Andresen 1936:20];

Kord tõi ta pildi ja asetas seinale: kolm meest kõnelesid ja läksid kuhugi kergelt ja vapralt. „See on ülestõusnud Jeesus, läheb Emmausesse“, seletas Pavel. Emale pilt meeldis, kuid ta mõtles: „Jeesust austad, aga kirikus ei käi...“ Ikka enam raamatuid tekkis ilusale riulile, mille oli teinud talle tiserist seltsimees. Tuba sai meeldiva välimuse. Vahel pöördus ta ema poole äkitselt hellusega: „Sina ema, ära muretse, tulen

hilja koju.“ Emale see meeldis, poja sõnades tundis ta midagi tösist ja kindlat [Andresen 1946:17; Lügemik II: 140].

Однако одиннадцатая и двадцать девятая главы из первой части романа в хрестоматию не попали. Именно в этих главах наиболее ярко отражаются богостроительские идеи Горького: герои обсуждают пути создания новой религии, Пелагея Ниловна характеризует революционеров как людей, исповедующих «христову правду». Как мы установили, в отдельных изданиях перевода Андресена купюр не было. Среди нескольких глав, исключенных из хрестоматии, оказалась и восьмая глава второй части, в которой главная героиня размышляет о сущности новой религии:

По картинкам, изображавшим Христа, по рассказам о нем она знала, что он, друг бедных, одевался просто, а в церквах, куда беднота приходила к нему за утешением, она видела его закованным в наглое золото и шелк, брезгливо шелестевший при виде нищеты. И невольно вспоминались ей слова Рыбина: «И богом обманули нас!» Незаметно для нее она стала меньше молиться, но все больше думала о Христе и о людях, которые, не упоминая имени его, как будто даже не зная о нем, жили — казалось ей — по его заветам и, подобно ему считая землю царством бедных, желали разделить поровну между людьми все богатства земли. Думала она об этом много, и росла в душе ее эта дума, углубляясь и обнимая все видимое ею, все, что слышала она, росла, принимая светлое лицо молитвы, ровным огнем обливавшей темный мир, всю жизнь и всех людей. И ей казалось, что сам Христос, которого она всегда любила смутной любовью — сложным чувством, где страх был тесно связан с надеждой и умирение с печалью, — Христос теперь стал ближе к ней и был уже иным — выше и виднее для нее, радостнее и светлее лицом, — точно он, в самом деле, воскресал для жизни, омытый и оживленный горячею кровью, которую люди щедро пролили во имя его, целомудренно не возглашая имени несчастном? друга людей [Горький].

Впрочем, как свидетельствует исследователь биографии и творчества Горького Павел Басинский, для школьников этот текст и, в частности, богостроительские воззрения Горького и не могли быть понятными:

Ведь «Мать» писалась Горьким в расчете на пусть и образованных, но все же простых рабочих. Для них, крещенных, воспитанных в православной вере, с детства ходивших в местную церковь какой-нибудь из рабочих слобод и уже потому знавших евангельский текст, была специально создана эта повесть. Для советских школьников, церковь не посещавших и Евангелия не читавших (за это строжайше наказывали юных пионеров и комсомольцев, а еще больше могли наказать их родителей), «Мать» превращалась в своего рода *tabula rasa*, «чистый лист», на котором советская идеология выводила какие-то собственные письмена, не имевшие к смыслу этой вещи почти никакого отношения [Басинский].

Таким образом, даже глава, включенная в хрестоматию, в которой представлен процитированный выше эпизод с картиной о пути Христа в Эммаус, оставалась для советского школьника совершенно неясной:

Только «погрузив» «Мать» в евангельский контекст, можно понять, зачем Павел Власов однажды приносит в дом картину с христианским сюжетом <...> Кто эти трое людей? Дореволюционный читатель не нуждался в дополнительных объяснениях. Сюжет «Христос на пути в Эммаус» использовался многими художниками и был известен всякому образованному рабочему [Басинский].

Теперь рассмотрим перевод фрагментов из повести «Мои университеты». Отрывки из повести Горького «Мои университеты» также включены в хрестоматию. Жанровые особенности этого текста не очень подходят для школьного учебного пособия. Так, например, П. Басинский указывает на подчеркнуто субъективный характер произведения:

Повесть «Мои университеты», хотя и привязана точно к месту и времени, к реальным людям и событиям, является своего рода *лирическим дневником*. Да еще и написанным спустя более чем

четверть столетия после событий. Казань вспоминалась Горькому сквозь призму юношеских страданий, памяти о тяжелом физическом труде в пекарнях, на погрузке и разгрузке барж на Волге, хроническом недосыпании, «обидном» отношении к нему и «хозяев», вроде булочника Семенова, и людей образованных, рыцарей просвещения или революции, которые взирали на него как на самородка, на интересный, но «казусный» человеческий материал. А он не был материалом! [Басинский].

Ср. также:

В 1884–1888 годах Пешков жил в одном из старейших и красивейших городов европейско-азиатской России, в одном из научных и культурных ее центров, с богатейшей торговлей, промышленностью, с интереснейшими традициями — духовными, купеческими, студенческими, русскими и татарскими, — городе чрезвычайно «пестром» этнически и религиозно. И всё это Пешков видел. Но почти ничего этого Горький не заметил. Таков был его угол зрения [Там же].

Басинский указывает и на достаточно мрачную тональность повествования в «Моих университетах»:

Богатое разнообразие казанской жизни мало отражено в «Моих университетах». Только взятые в совокупности все горьковские произведения, условно говоря, «казанского цикла» дают нам некоторое представление об этом богатстве. В «Моих университетах» это можно почувствовать «между строк». Вот похороны девицы Латышевой. Ведь какая, если задуматься, почти шекспировская трагедия! Впрочем, это материал не для Шекспира, а, разумеется, для А. Н. Островского. Попытаемся вообразить ее отца, богатого торговца чаем и «колониальным товаром». Возможно, это тот самый «хозяин», который нанял артель грузчиков, когда его баржа села на мель на Волге. На барже был как раз «колониальный товар» из Персии, из восточных стран. Алексей принимал участие в перегрузке его с баржи на другую и был впечатлен поэзией коллективного труда. Это одно из немногих мест в «Моих университетах», где автора-героя отпускает тяжелое, давящее чувство несправедливости бытия [Там же].

На эстонском языке книга Горького «Мои университеты» была опубликована в 1947 году в переводе Бетти Альвер. Тираж издания — 10 200 экземпляров. В школьной хрестоматии мы находим фрагменты именно из этого перевода. Если в сокращенном для эстонских школьников романе «Мать» пропущена только религиозная тема, то в хрестоматийном тексте «Моих университетов» выпущены все темы, которые были под запретом в Советском Союзе: темы религии, антисемитизма и продажной любви. Если мы сравним фрагменты из повести Горького в русскоязычной хрестоматии с переводным текстом, то увидим, что в эстонском учебном пособии в точности воспроизведена композиция оригинального текста. Уточним, однако, что, несмотря на запрет на определенные темы, отдельные издания «Моих университетов» «основоположника социалистического реализма» Горького публиковались в советское время без купюр. Сказанное касается и отдельного издания повести на эстонском языке в переводе Бетти Альвер. Приведем несколько фрагментов из отдельного издания повести Горького и перевода Альвер, связанных с религиозной или еврейской темой, которые не вошли в хрестоматию:

И только, вот, года два тому назад — спустя более тридцати лет после первой беседы на эту тему — я неожиданно услышал те же мысли и почти в тех же словах от старого знакомого моего, рабочего. Однажды у меня с ним завязалась беседа «по душе» и этот человек, невесело усмехаясь, сказал мне с тою бесстрашной искренностью, которой обладают, кажется, только русские люди.

— А. М., — милый, — ничего не надо, никуда все это: академии, науки, аэропланы, — лишнее! Надобно только угол тихий и — бабу, чтоб я ее целовал, когда хочу, а она мне честно — душой и телом — отвечала, — вот! Вы — по интеллигентски рассуждаете, вы — уж не наш, а — отравленный человек, для вас идея выше людишек, вы по-еврейски думаете: человек — для субботы?

— Евреи не думают так...

– *Чорт их знает, как они думают, – народишко темный, –* ответил он, бросив окуроч папиросы в реку и следя за ним [Горький];

Ning vaevalt kaks aastat tagasi – kui üle kolmekümne aasta oli möödunud esimesest jutuajamisest sel teemal – kuulsin ootamatult samu mõtteid peaaegu saamasuguses sõnastuses ühelt oma vanalt tuttavalt, töoliselt.

Kord sattusin temaga usalduslikku vestlusesse; see inimene – „poliitiline tuulelipp“, nagu ta nukra naeratusega end nimetas – ütles mulle selle julge siirusega, mis on omane vist ainult vene inimestele:

– Kallis A. M., mulle pole midagi vaja, – kõik need akadeemiad, teadused ja lennukid on asjatud ja ülearused! Vaja on vaid vaikset nurka ja – naist, et ma teda suudleksin kui tahan, ning et tema mulle ausalt – ihu ja hingega – vastaks, – vaat mis! Teie arutate nagu intelligent ega kuulu enam meie hulka, te olet – mürgitatud inimene, teile on idee tähtsam inimeselapsest, te mõtlete juudi kombel: inimene on sabbati jaoks!“ *Juudid ei mõtle nii... Kurat neid teab, kuidas nad mõtleavad, – tume rahvas, vastas ta paberossiotsa jõkke visates ja seda pilguga jälgides* [Alver:1947:52].

Приведем теперь примеры соответствующих пропусков в оригинальной и переводной хрестоматиях:

И только, вот, года два тому назад, спустя более тридцати лет после первой беседы на эту тему, – я неожиданно услышал те же мысли и почти в тех же словах от старого знакомого моего, рабочего. <...>Мы сидели на набережной Невы, на гранитной скамье, лунной ночью осени, оба истерзанные днем бесполезных волнений, упрямого, но безуспешного желания сделать что-то доброе, полезное [Хрестоматия I: 140];

Ning vaevalt kaks aastat tagasi – kui üle kolmekümne aasta oli möödunud esimesest jutuajamisest sel teemal – kuulsin ootamatult samu mõtteid peaaegu samasuguses sõnastuses ühelt oma vanalt tuttavalt töoliselt <...> Istusime kuupaistesel sügisööl Neeva kaldal graniitpingil; olime mõlemad piinatud möödunud päeva asjatuist ärevustest ja kangekaelsest, kuid tulemusteta ihast teha midagi head ja kasulikku [Lugemik I: 256].

Как мы видим, в обеих хрестоматиях пропущено рассуждение о евреях.⁴ Выпущен также отрывок с нелицеприятной характеристикой царствования Ивана Грозного, так как это могло бы бросить тень на фигуру Сталина:

Он говорил с Хохлом всегда кратко, как будто давно уже переговорив обо всем важном и сложном. Помню, выслушав историю царствования Ивана Грозного, рассказанную Ромасем, Изот сказал: «Скушный царь!» «Мясник, добавил Кукушкин, а Панков решительно заявил: „Ума особого не видно в нем. Ну, перебил он князей, так на их место расплодил мелких дворяншек. Да ещё чужих навез, иноземцев. В этом – нет ума. Мелкий помещик хуже крупного. Муха – не волк, из ружья не убьешь, а надоедает она хуже волка. Явился Кукушкин с ведром разведенной глины и, вымазывая кирпичи в печь, говорил: «Думали, черти! Вошь свою перевести, не могут, а человека извести, пожалуйста!» [Горький];

Ta kõneles Hohholliga alati lühidalt, otsekui oleks neil kõik tähtsad ja keerulised asjad juba ammugi läbi arutatud. Mäletan kuulanud ära Romassi jutustuse Ivan Julma valitsemisest, ütles Izot: "Igav tsaar!" "Lihunik," lisas Kukuškin juurde, Pankov aga lausus kindlalt: "Mingit erilist tarkust ei paista tas olevat. Noh, vürstid tappis maha, kuid nende asemele soetas hulgaliselt väikeseid aadlikke. Ja võõraidki vedas veel kokku, välismaalasi. Selles pole tarkust. Väike mõisnik on halvem kui suur. Kärbes pole hunt, püssiga teda ei tapa, aga ta on hundist palju tüütum. Kukuškin ilmus, käes pang vedela saviga; määrides telliskive

⁴ Подробнее о запретных темах в контексте советской литературы см.: [Найдич, Павлова: 85-105].

ahjuesisesse, kõneles ta; “Näe mis kuradid välja mõtlesid! Oma täisid nad hävitada ei suuda, kuid inimest tappa – ole lahke!” [Alver 1947:138].

Ср. в хрестоматиях:

Он говорил с Хохлом всегда кратко, как будто давно уже переговорив обо всем важном и сложном. <...> Явился Кукушкин с ведром разведенной глины и, вымазавая кирпичи в печь, говорил: «Думали, черти! Вошь свою перевести, не могут, а человека извести, пожалуйста!» [Хрестоматия I:198];

Ta kõneles Hohholliga alati lühidalt, otsekui oleks neil kõik tähtsad ja keerulised asjad juba ammugi läbi arutatud.<...> Kukuškin ilmus, käes pang vedela saviga; määrides telliskive ahjuesisesse, kõneles ta; Näe mis kuradid välja mõtlesid! Oma täisid nad hävitada ei suuda, kuid inimest tappa – ole lahke! [Lugemik I : 316].

Третьей исключенной темой становится тема продажной любви.

Ночью я писал стихи о мании, называя его «владыкой всех владык, другом и советником бога», и долго образ его жил со мною, мешая мне жить. Работая от шести часов вечера почти до полудня, днем я спал, и мог читать только между работой, замесив тесто, ожидая, когда закиснет другое, и, посадив хлеб в печь. По мере того, как я постигал тайны ремесла, пекарь работал все меньше, он меня «учил», говоря с ласковым удивлением:

– Ты – способный к работе, – через год, два – будешь пекарем. Смешно. Молодой ты, не будут слушать тебя, уважать не будут...

К моему увлечению книгами он относился неодобрительно:

– Ты бы не читал, а спал, – заботливо советовал он, но никогда не спрашивал, какие книги читаю я. ?...

Сны, мечты о кладях и круглая, коротенькая девица совершенно поглощали его. Девица нередко приходила ночью, и тогда он или уводил ее в сени на мешки муки, или - если было холодно - говорил мне, сморщив переносье:

– Выдь на полчаса.

– Я уходил, думая: как страшно не похожа эта любовь на ту, о которой пишут в книгах... [Горький];

Kirjutasin öösel maniaagist värssse, nimetades teda „ kõigi valitsejate valitsejaks, jumala sõbraks ja nõuandjaks“, ja kaua veel, häirides mu olemist, püsis minus elavana ta kuju. Töötades õhtul kella kuuest ligemale keskpäevani, magasin päeval ja sain lugemiseks mahti ainult tööde vaheajal, kui olin seganud ühe laari tainast, ootasin teise hapnemist või olin pannud leiva ahju. Mida selgemaks mulle said mu elukutse saladused, seda vähem hakkas pagar töötama ; ta „õpetas“ mind ja kõneles leebe imestusega: „Sul on andi tööks, aasta või teise pärast oled juba pagar. Naljakas. Oled noor, sinu sõna ei hakata kuulama, sind ei austata... Minu raamatuteharrastusse suhtus ta laitvalt: „Parem oleks kui sa ei loeks, vaid magaksid, soovitas ta hoolitsevalt, kuid ei küsinud kunagi milliseid raamatuid ma loen.

Unistused aaretest, unenäod ja ümmargune, lühike tütarlaps vallutasid ta täielikult. Neiu tuli sageli öösiti; siis viis pagar ta kas esikusse jahukottidele, või - kui juhtus olema külm – ütles ta mulle ninaseljaga krimpsutades: Mine õige pooleks tunniks välja!

Lahkusin , mõeldes: kui kohutavalt erineb see armastus siin sellest, milles kirjutatakse raamatuis... [Alver 1947:61].

Ср. в хрестоматиях:

Ночью я писал стихи о маниаке, называя его «владыкой всех владык, другом и советником бога», и долго образ его жил со мною, мешая мне жить. Работая от шести часов вечера почти до полудня, днем я спал, и мог читать только между работой, замесив тесто, ожидая, когда закиснет другое, и посадив хлеб в печь. По мере того, как я постигал тайны ремесла, пекарь работал все меньше, он меня «учил», говоря с ласковым удивлением:

– Ты – способный к работе, – через год, два – будешь пекарем. Смешно. Молодой ты, не будут слушать тебя, уважать не будут...

К моему увлечению книгами он относился неодобрительно:

– Ты бы не читал, а спал, – заботливо советовал он, но никогда не спрашивал, какие книги читаю я? <...> В маленькой комнатке за магазином жила сестра хозяина, я кипятил для нее самовары, но старался возможно реже видеть ее – неловко было мне с нею [Хрестоматия I: 145];

Kirjutasin öösel *maniakist* värsse, nimetades teda „ kõigi valitsejate valitsejaks, jumala sõbraks ja nõuandjaks“, ja kaua veel, häirides mu olemist, püsis minus elavana ta kuju. Töötades õhtul kella kuuest ligemale keskpäevani, magasin päeval ja sain lugemiseks mahti ainult tööde vaheajal, kui olin seganud ühe laari *taignat*, ootasin teise hapnemist või olin pannud leiva ahju. Mida selgemaks mulle said mu elukutse saladused, seda vähem hakkas pagar töötama; ta „õpetas“ mind ja kõneles leebe imestusega: Sul on *annet* tööks, aasta või teise pärast oled juba pagar. Naljakas. Oled noor, sinu sõna ei hakata kuulama, sind ei austata... Minu raamatuharrastusse suhtus ta laitvalt: Parema oleks kui sa ei loeks, vaid magaksid, soovitas ta hoolitsevalt, kuid ei küsinud kunagi milliseid raamatuid ma loen<....>

Poe taga väikeses toas elas peremehe õde, keetsin talle samovariga teed, kuid püüdsin teda näha harva – mul oli temaga ebamugav. [Lugemik I: 263];

В хрестоматии, как и можно предположить, не включен также обширный отрывок о проституции. Приводим ниже соответствующие фрагменты из оригинального произведения Горького, перевода Бетти Альвер и текста из оригинальной и переводной версий хрестоматии, где произведены лакуны:

Тогда я чувствовал себя сброшенным в темную яму, где люди копошатся, как слепые черви, стремясь только забыть действительность и находя это забывание в кабаках да в холодных объятиях проституток. Посещение публичных домов было обязательно каждый месяц в день получки заработка; об этом удовольствии мечтали вслух за неделю до счастливого дня, а прожив его – долго рассказывали друг другу об испытанных наслаждениях. В этих беседах цинически хвастались половой энергией, жестоко глумились над женщинами, говорили о них брезгливо отплевываясь. Но – странно! – за всем этим я слышал – мне чудилось – печаль и стыд. Я видел, что в "домах утешения", где за рубль можно было купить женщину на всю ночь, мои товарищи вели себя смущенно, виновато, это казалось мне естественным. А некоторые из них держались слишком развязно, с удалством, в котором я чувствовал нарочитость и фальшь. Меня жутко интересовало отношение полов, и я наблюдал за этим с особенной остротой. Сам я еще не пользовался ласками женщины, и это ставило меня в неприятную позицию: надо мною зло издевались и женщины, и товарищи. Скоро меня перестали приглашать в "дома утешения", заявив откровенно:

– Ты, брат, с нами не ходи.

– Почему?

– Так, уж! Не хорошо с тобой.

Я цепко ухватился за эти слова, чувствуя в них что-то важное для меня, но не получил объяснения более толкового.

– Экой, ты! Сказано тебе – не ходи. Скушно с тобой...

И только Артем сказал, усмехаясь:

– Вроде, как при попе, али при отце.<...>

Смотрел я, как по грязному полу двигаются, лениво шаркая ногами, "девушки для радости", как отвратительно трясутся их дряблые тела под назойливый визг гармоник, или под раздражающий треск струн разбитого пианино, смотрел – и у меня зарождались какие-то неясные, но тревожные мысли. От всего вокруг истекала скука, отравляя душу бессильным желанием куда-то уйти, где-то спрятаться.

Когда в мастерской я начинал рассказывать о том, что есть люди, которые бескорыстно ищут путей к свободе, к счастью народа, – мне возражали:

– А, вот, девки не то говорят про них! [Горький];

Siis tundus mulle nagu oleks mind visatud pimedasse auku, kus inimesed rabelevad silmitute ussikestena, püüdes vaid unustada tõelikkust ning leides seda unustust kõrtsides ja prostituutide külmades embustes. Avalike majade külastamine oli kohustuslik iga kuu palgapäeval. Sellest löbust unistati kõvasti juba nädal enne õnnelikku päeva; kui see aga oli möödunud, jutustati üksteisele läbielatud naudinguid veel kaua. Neis kõnelustes kelgiti küüniliselt seksuaaljõuga, irvitati jõhkralt naiste üle ja neist kõneldes süljati põlastavalt. Kuid – imelik! – kõige selle taga viirastus mulle kurbus ja häbi. Nägin, et „trööstimajades“, kus rubla eest võis osta naisterahva terveks ööks, käitusid mu kaaslased segaselt ja süüdlaselt – see näis mulle loomulikuna. Kuid mõnede hoiak oli liiga ülbe ning nende uljuses tundus mulle midagi tahtlikku ja võltsi. Tundsin jubedusega segatud huvi sugude vahekorra vastu ning jälgisin seda erilisel teritunud tähelepanuga. Ise polnud ma veel naise hellitusi kogenud, ning see asetas mu ebameeldivasse olukorda: minu üle irvitasid tagedalt nii naised kui ka seltsimehed. Varsti lakati mind „trööstimajadesse“ kaasa kutsumast ning teatati avameelselt: „Sina vennas, ära tule meiega.“

„Mispärast?“

„Niisama! Sinuga koos pole hea olla.“

Haarasin neist sõnadest tihkelt kinni, aimates neis midagi tähtsat enda jaoks, kuid ma ei saanud mingit arukamat seletust. „Näh, mihuke sa oled! Sulle on öeldud – ära tule! Sinuga on igav...! Ning ainult Artem ütles muiates: „Just nagu papp või isa oleks kaasas.“<...>

Vaatlesin, kuidas räpasel põrandal liiguvad jalgu laisalt lohistades „lõbutüdrukud“, kui vastikult rappuvad nende närbunud kehad lõõtspilli tüütava vingumise või katkise pianino ärritava põrina saatel. Vaatlesin seda --- ning minus tärkasid mingid ähmased, kuid rahutukstegevad mõtted. Kõigest mu ümber valgus igavust, mürgitades hinge jõuetu ihaga minna siit kuhugi ära. Kui ma töökojas hakkasin jutustama sellest, et leidub inimesi, kes omakasupüüdmatult otsivad teid, mis viivad vabadusele ja rahva õnnele, siis vastati mulle: „Aga näe tüdrukud räägivad neist hoopis muud!“ [Alver 1947:41-44].

Ср. в хрестоматиях:

Тогда я чувствовал себя сброшенным в темную яму, где люди копошались, как слепые черви, стремясь только забыть действительность <...>

Когда в мастерской я начинал рассказывать о том, что есть люди, которые бескорыстно ищут путей к свободе, к счастью народа, – мне возражали:

– А, вот, девки не то говорят про них! [Хрестоматия I: 133];

Siis tundus mulle nagu oleks mind visatud pimedasse auku, kus inimesed rabelevad silmitute ussikestena, püüdes vaid unustada tõelikkust <...>

Kui ma töökojas hakkasin jutustama sellest, et leidub inimesi, kes omakasupüüdmatult otsivad teid, mis viivad vabadusele ja rahva õnnele, siis vastati mulle: „Aga näe tüdrukud räägivad neist hoopis muud!“ [Lugemik I: 250-251].

В заключение главы еще раз подчеркнем, что перевод Альвер без существенных изменений воспроизводится в переводной хрестоматии, если не считать пропущенных «запретных» фрагментов.

Глава IV

Авторство переводов поэзии А.А.Блока и В.В. Маяковского

В первой главе мы привели те стихи и поэмы поэтов-модернистов, которые были отобраны составителями переводной хрестоматии для включения в издание 1949 года. Теперь посмотрим, какие фрагменты из этих произведений были опущены в эстонском издании, назовем авторов эстонских переводов (в тех случаях, когда нам удалось их выявить) и дадим краткую характеристику переводных сочинений.

Как уже отмечалось в первой главе нашей работы, в переводную хрестоматию были включены не все поэтические произведения русских символистов Блока и Брюсова. Кроме того, иногда исключенные из публикуемых текстов фрагменты оказываются разными в оригинальной и переводной версиях хрестоматии.

Так, из поэмы Блока «Двенадцать» в переводной хрестоматии был выпущен следующий отрывок:

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!
В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!
Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!
Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?
Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала.
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?
Эх, эх, согреси!

Будет легче для души! [Блок III: 352]

Как мы видим, фрагмент исключен в связи с его неподходящим для школьного издания содержанием: приключения проститутки Катьки явно не связывались в сознании составителей с «высоким» образом красноармейцев, следующих за Христом.

Отметим, что в оригинальной хрестоматии текст поэмы Блока также опубликован с лакунами, однако, возможно это было сделано не столько и не только по идеологическим причинам, сколько из-за недостатка места в книге. Опущен был фрагмент, где идет речь о выборах в Учредительное собрание:

От здания к зданию

Протянут канат.

На канате — плакат:

«Вся власть Учредительному Собранию!»

Старушка убивается — плачет,

Никак не поймет, что значит,

На что такой плакат,

Такой огромный лоскут?

Сколько бы вышло портянок для ребят,

А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,

Кой-как перемотнулась через сугроб.

— Ох, Матушка-Заступница!

— Ох, большевики загонят в гроб! [Блок III: 342-343].

Напомним, что Учредительное собрание, представительный орган в России, было созвано в январе 1918 года для определения государственного устройства. Собрание отказалось от монархической формы правления и провозгласило Россию федеративной демократической республикой. Выборы в Учредительное собрание, о которых идет речь на «плакате» в поэме Блока, состоялись в ноябре 1917 года. Большевики видели в Учредительном собрании «контрреволюционный» орган, они образовали коалицию с левыми эсерами и приняли совместное решение распустить собрание.

Автор первой пространной статьи о рецепции Блока в Эстонии, опубликованной в № 12 журнала «Лооминг» за 1963 год, Вальмар Адамс отмечает, что вопреки априорным ожиданиям поэзия Блока до сих пор почти не известна эстонскому широкому читателю. Она так пока и не стала объектом публичного внимания или дискуссии. Автор указывает также, что серьезно творчеством Блока в Тартуском университете начали заниматься в только в 1931/1932 учебном году, и что на страницах журнала «Лооминг» стихи Блока появились только один раз, когда был напечатан отрывок из его поэмы «Возмездие»:

Aleksander Bloki loomingu retseptsoon Eestis ei vasta apriorsele ootustele (skeem: suur vene kirjanik, järelikult pidi ka mõju meie kirjandusele olema suur). Kuigi Bloki maailmakuulus poeem «Kaksteist» oli eesti lugejale varakult kättesaadav, kuigi Bloki nimi oli meil laialt tuttav, siiski ei tõusnud Bloki looming Eestis avaliku tähelepanu või diskussiooni objektiks (ajakirjanduses, loomingulistes liitudes, koolis). Tartu ülikooliski ei tegeldud Bloki loominguga tõsiselt kuni 1931/32. õppeaastani, mil nende ridade kirjutaja hakkas lugema erikursust uuemast vene luulest. Eesti Kirjanike Liidu häälekandja „Looming“ veergudel esineb A. Blok üksainus kord (katkend „Kättemaksust“), s. o. kodanlikul ajal tegeles kirjanduslik üldsus meil Blokiga märksa vähem kui Brjussovi, Balmonti ja isegi Igor Severjaniniga [Looming 1963-12:1898];

„Loomingu“ teises numbris (mai 1923) on avaldatud katkend Bloki poeemist „Kättemaks“ Hermann Jänese tõlkes. Tõlgitud on värsid 317—460 (III k., lk. 340—344) poeemi kolmandast peatükist; tõlge koosneb 127 värsist, mis vastavad algupärandi 143 värsile. Tõlkele on lisatud „Eelmärkus“ (lk. 110—111), mis koosneb väljavõttest „Alkonosti“ kirjastusel ilmunud ajakirjast «Записки мечтателей» (nr. 2—3) ja Bloki eessõnast kõnealusele poeemile [Looming 1963-12:1901].

Адамс кратко останавливается на истории перевода поэмы Блока «Двенадцать» на эстонский язык. О поэме Блока, по свидетельству Адамса, было впервые упомянуто в декабре 1919 года в № 1 журнала „По“/Ило. В том же журнале (рубрика «Вариа») сообщается о появлении поэмы в печати в 1918 году. На эстонском языке поэма была впервые опубликована в переводе поэта Вальмара Адамса, в №№ 14-16 газеты Печорского общества просвещения „Petserlane“/Печерянин за 1920 год. Публикатор оценил поэму как одно из величайших поэтических произведений о революции, но все же не наиболее выдающееся. Адамс намеревался написать к поэме комментарии, однако это ему не удалось, поскольку поэта исключили из членов редакции газеты и вслед за этим выслали из Печорского уезда по приказу председателя земской управы [Looming 1963-12:1898]:

Esmakordselt mainiti meil trükisõnaliselt Bloki poeemi „Kaksteist“ detsembris 1919 ajakirjas „Ilo“. Selle ajakirja esimeses numbris leiame „Varia“ osakonnas sõnumi A. Bloki „Kaheteistkümnene“ ilmunisest (1918). Poeem „Kaksteist“ avaldati Eestis esmakordselt nende ridade kirjutaja algatusel Petseri Haridusseltsi ajalehes „Petserlane — Печерянин“ septembris 1920 e. Publitseerija hindas poeemi „üheks suuremaks, kui mitte kõige suuremaks revolutsioonilise Venemaa luuleteoseks“ ja avaldas lootust, et „teos jääb vene kirjanduse ajalukku“. Lubatud kommentaarid jäid avaldamata, kuna publitseerija ajalehe toimetusest kõrvaldati ja peatselt Petseri maaüleva korraldusel Petserimaalt välja saadeti [Looming 1963-12:1898].

После смерти Александра Блока 7 августа 1921 года в приложении к газете „Päevaleht“/Пяэвалехт появился текст поэмы в переводе Йоханнеса Семпера.⁵ Тот же перевод, но без упоминания имени автора вышел отдельной брошюрой в Петрограде в 1922 году,⁶ которая распространялась и в буржуазной Эстонии, но в незначительном количестве экземпляров [Looming 1963-12:1898]:

⁵ См.: „Päevaleht“ erileht „Kirjandus-Kunst-Teadus“. 1921, nr. 33, 26. IX, lk. 257—261

⁶ См.: Blok, A. Kaksteist. Eesti Kirjastuse Ühisus, Petrograd 1922.

Varsti pärast Bloki surma ilmus «Päevalehe» kirjanduslisas poeemi «Kaksteist» eestindus J. Semperi sulest. Seesama Semperi tõlge (kuigi ilma tõlkija nimeta) ilmus 1922. aastal Petrogradis eri brošüürina, mis mõnevõrra levis ka kodanlikus Eestis [Looming 1963-12:1898].

Как отмечает автор статьи, обе публикации почти не отличаются друг от друга. Оба перевода принадлежат Й. Семперу. После окончания второй мировой войны Семпер адаптировал перевод для школьного обучения, этот перевод, по словам автора, «используется и в наши дни» [Там же]. Перевод публиковался в школьных хрестоматиях 1940-1950-х годов. В статье отмечается также, что пятая часть поэмы исключена из хрестоматии из-за неподходящего для школьников содержания [Там же]. Адамс свидетельствует, что перевод Семпера использовался в целях преподавания в разных учебных заведениях, начиная с 1930-х годов и, таким образом, духовное наследие Блока проникало в сознание молодежи тех лет:

Tänu Semperi tõlkele said ka laiemad eesti ringkonnad (eriti aga vene keelt juba mitteõppiv noorsugu) võimaluse tutvuda tolle kirjandusteose stiiliaga, mis (L. Nikulini sõnade järgi) „valitses vene intelligentsi suure osa mõtteid ja tundmusi“. N. Andresen kasutas poeemi teksti veel kolmekümnendail aastail, õpetades vene keelt töölisnoortele. Nende ridade kirjutaja kasutas poeemi tõlget korduvalt Tartu Rahvaülikoolis ja ka Tartu ülikoolis peetavil loenguil. Paul Viiding deklameeris poeemi Tartu üliõpilasringkonnas. Nii tungis Bloki vaimuvara tolleaegse eesti noorsoo teadvusse [Looming 1963-12:1899].

Перевод Семпера Адамс оценивает в целом высоко, подчеркивая почти полную адекватность передачи строфического и ритмического своеобразия поэмы. В переводе третьей части поэмы Семпер даже сделал смелую попытку заменить жанр частушки эстонским народным аллитерационным стихом. Во втором варианте перевода эта форма заменена рифмованным стихом, что оказалось ближе к тексту-источнику. Но если оценивать переводы Семпера с точки зрения современной советской теории перевода, то они уже не соответствуют всем требованиям. В частности, Адамс отмечает некоторые отклонения в переводе от ритмической схемы оригинала, но подчеркивает, что Семпер как переводчик избежал крайностей формализма, в отличие от переводившего поэму на немецкий язык Йоханнеса фон Гюнтера:

Johannes Semper — ise poeet, Dante, Whitmani, Verhaereni eestindaja — on suutnud peaaegu adekvaatselt edasi anda Bloki poeemi stroofilise ja rütmilise omapära ning teose faktuuri iseärasused. Sealjuures on ta kaugel bukvalismist. Näiteks kolmanda peatüki tõlkimisel tegi ta julge katse vene tõastuška vormi edasi anda eesti rahvalaulu alliteeruva värsi läbi. Teises variandis on see vorm asendatud riimitud värssidega, mis on originaalile lähedasem. Kui hinnata Semperi tõlkeid tänapäeva aspektis, lähenedes neile nõukogude tõlketeooria rangete mõõdupuudega, siis selgub, et need tõlked ei vasta enam kõigile nõudeile. Leiame Bloki poeemi eestinduses ka mõningaid puudusi ja (vististi ruttamise tulemusena) lohakusigi, mis kuulsa teose sugestiivsust vähendavad. „Loomingu“ veergudel ei saa esitada süstemaatilist tõlkekriitikat (seda loodame avaldada teisel), ette tuues kõik näited, vaid tuleb piirduda suurest laastust tehtud hinnanguga üksikute, valitud näidete varal. Nagu mainitud, tabas Semper üsnagi hästi algupärandi rütmi ja riimi, langemata siiski rütmi- ja riimisituatsiooni formalistliku reprodutseerimise tasemele, nagu seda tegi näiteks poeemi saksastaja J. von Guenther. Kuid Semperil leidub ka üksikuid mittevajalikke kõrvalekalduvusi algupärandi rütmist [Looming:1963-12:1899].

Адамс отмечает и недостатки в передаче мотивной структуры поэмы, а также «снижение идейного пафоса» в ряде мест перевода:

Säärane poeemi ideelise paatose madaldamine ilmneb ka sama peatüki lõppvärsi tõlkes, kus rahvapärane ning rahvaluulelinegi «гуляет нынче голытьба» oli tõlgitud „tahaks juua joobunuks“ (teises variandis märksa parem: „Ainult jätke avatuks / hulkureile keldriuks“) [Looming:1963-12:1899]. Ebaõnnestununa tundub ka poeemi ühe juhtmotiivi edasiandmine, mida A. Blok tähistab sõnadega «державный шаг». Poeemi viimast, kaheteistkümnendat peatükki iseloomustavad algupärandis eriline stiilirangus, selgus ja intensiivsus (korduv imperatiivide tarvitamine). Tõlkes valitseb Bloki tõusva intonatsiooni asemel langev,

Bloki poeemile põhiomaste eredate kontrastide asemel leiame tõlkes ebamäära laialivalgust [Looming:1963-12:1900].

Для нас важно, что в статье поднимается вопрос о необходимости переводов лирики Блока. Автор отмечает, что лирические произведения поэта на эстонский язык почти не переводили, а перевод стихотворения «На смерть деда», опубликованный в газете «Ваба маа», отличается низким уровнем, стихотворение скорее пересказано, а не переведено:

Kui hakkame mälust otsima kodanlikus Eestis ilmunud Bloki lüürika tõlkeid, siis haigutab esialgu meile vastu lausa tühjus. Ajakirjandust sirvides leiame ainult luuletuse «На смерть деда» tõlke «Vaba Maa» lisas 22. See tõlge on sisult primitiivne, väljenduselt kohmakas. Eestindaja Herman Mutra on luuletuse pigemini ümber jutustanud kui tõlkinud. Sealjuures pole Bloki kunstist ega mõttest peaaegu mitte midagi järele jäänud [Looming 1963-12:1903].

Гораздо выше оценивает Адамс переводы Хейти Тальвика, обратившемуся к мини-циклу Блока «Песни и пляски смерти» из цикла «Страшный мир». Особенно удавшимся Адамс считает перевод стихотворения «Ночь, улица, фонарь, аптека...», где переводчик хорошо передает «пейзаж души» и даже усиливает его мрачную тональность:

Hoopis uuel tasemel seisavad Bloki nelja luuletuse tõlked, mis on avaldatud Heiti Talviku luuletuskogus „Kohtupäev“ (1937). Tsükkel „Surmatantsud, milles ilmnevad Bloki pettumusmeeleolud esimese revolutsiooni ja Esimese maailmasõja vahel, on leidnud eestindaja kolmekümnendate aastate poeetis, kes tõlkis Blokki oma aja kohta küllaltki kõrgel keelelisel ja kunstitasemel, kaldumata ei bukvalismi ega ka kohmakasse parafraseerimisse. Siin on poeet tõlkinud poeeti. Ning mulle ei tundunud võimatu, et just Bloki „Surmatantsudest“ kui loostest on välja kasvanud kogu „Kohtupäev“, mis tähistab algul dekadentsena Talviku pöördumist ühiskondliku temaatika poole ajaloolisel hetkel, millel on nii palju sarnasust vastavate ajalooliste koordinaatidega Bloki luules. Kuid pöördugem oletuste avarustelt konkreetse tõlkekriitika mõtmetesse. Eriti õnnestunud on Bloki kuulsat luuletust «Ночь, улица, фонарь, аптека» tõlge. Kaheksa lühikese reaga annab Blok siin kujundliku pildi jõuetu seisaku ajajärgust, mis tekkis pärast esimese revolutsiooni lämmatamist. Poeedi hing on häälestatud sõgeda lootusetuse helistikus. Elu on muutunud tühiseks, pääsu ei ole. „Hirmsas maailmas“ valitseb surmamõte. Kuid see pole lihtsalt surm, vaid ühiskondliku elu kärbumine. Laibadki ei leia hauda, vaid kõnnivad elavate keskel ja tantsivad oma võigast tantsu. Pääsu pole näha, teed viivad ummikusse. Selline on Bloki tsükli „hingemaastik“. Talviku tõlge annab seda hästi edasi ja koguni süvendab süngust [Looming 1963-12:1903].

По словам Адамса, Тальвик экспрессивно подчеркивает в подцикле Блока все «мрачные тона и контрасты». Однако при всех комплиментах, которые автор статьи раздает переводчику, он все-таки отмечает, что перевод, выполненный в буржуазной Эстонии 1930-х годов, не мог достигнуть такой глубины при передаче темы смерти, которой достигает сознание, вооруженное «марксистским методом»:

Talvik tugevdab Bloki tsükli kõiki tumedaid värve ja kontraste. Tõlkides Bloki «улица» sõnadega „tänav tühi“ toonitab tõlkija peisaži lootusetut iseloomu. Neljandas luuletuses on Bloki tegelaspaar «проститутка» ja «развратник» edasi antud grotesksema substituudiga «lõbunukk» ja «roimar». «Как свинец, черна вода» on edasi antud eestilisema väljendiga «vesi pigina on must» ja veelkordselt: „vesi pigimust“ (algupärandi sõnasõnaline tõlge «must nagu tina» ei oleks adekvaatne; eesti keeles öeldakse ju pigemini: tinahall). Talvik arvestab oma tõlkes ka Bloki värsside häälikulist instrumentatsiooni ja koguni teeb selle intensiivsemaks. Nii instrumenteerib ta värsilõppe (sarja neljandas osas): (tuul on) uiliv, (öö on) võik. See vastab hästi Bloki hingemaastikule, kuigi selline instrumentatsioon Bloki tekstis puudub. Või võrreldes neljanda osa kolmandas stroofis tihket instrumentatsiooni konsonandi «r» abil, mis stroofi viimases sõnas koguni kahekordistatakse:

Vari teine — rüütel sirge, või ehk mõrja kirikust? Kiiver, suled. Pale, kust õhkub laiba tarretust.

Bloki sarja ideeline sisu ja luuleline meeleolu on adekvaatselt edasi antud. Muidugi ei saanud kolmekümnendail aastail kodanlikus Eestis elanud poeet surmateemat tõlgendada nii sügavalt, kui seda teeb nüüdisaja marksistliku meetodiga avardatud teadvus. Tuntud Bloki-uuri V. Orlov kirjutab kõnealuse

sarja kohta, et siin on peateemaks „hirmsa maailma kärbumise teema, ta olemise näilisus, ebaehtsus. Siin pole ega saagi olla tulevikku. Siin on ainult elu aseainet, siin toimivad mitte tõeliselt elavad, täisverelised inimesed, vaid nende varjud“ [Looming 1963-12:1904].

Переходя к советскому периоду рецепции Блока в Эстонии, Адамс раскрывает имя переводчика, чьи переводы опубликованы в интересующей нас хрестоматии:

Kooli tarbeks väljaantavaisse vene kirjanduse lugemikesse paigutatakse (peale poeemi „Kaksteist“ J. Semperi ülalmainitud tõlke teine variant) ainult kolm Bloki luuletust: «Сытые», «Россия» ja esimene pala ajaloolisest sarjast «На поле Куликовом» — kõik F. Kotta tõlkes, mis tehtud nende aastate vähenõudlikul tasemel. Eriti häiriv on, et Kotta kasutab algupärandi stiilile nii võhivõõraid „riime“, nagu: hulk, kust: hulgus, teind nad: leiba, laes : lipunaer, peatamatu : stepiratsu, võime likku : pikki jms [Looming 1963-12:1905].

Таким образом, на основании сведений, приведенных в этой статье, мы можем заключить, что в переводную хрестоматию 1949 г. были включены переводы Семпера и Котта из Блока. Мы видим также, что Адамс невысоко оценивает переводы стихотворений Блока, принадлежащие Феликсу Котта: «Сытые»/Sõõnud, «Россия»/Venemaa и первое стихотворение из цикла «На поле Куликовом» («Река раскинулась. Течет, грустит лениво...»), отмечая, в частности, характер рифмовки, чуждый стилистике Блока. Еще один вывод, который мы можем сделать на основании данных, приведенных в статье Адамса – это то, что скудость блоковских текстов в школьной хрестоматии 1949 года объясняется фактическим отсутствием других переводов из лирики Блока на тот момент. По-видимому, переводы Котта были сделаны наспех и специально для этой хрестоматии. Этим обстоятельством можно объяснить их невысокое качество.

Рассмотрим некоторые особенности перевода стихотворение «Сытые». Для этого приведем исходный текст и его эстонский вариант, автором которого является Феликс Котта:

А. Блок. Сытые (1905)

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать [Блок II: 180].

Sõõnud

Mind vaevas ammu nende hulk, kus

Jäi tummaks kõrge mõtte keel,

Kes haigutades ringi hulkus

Ja valgeid roose tallas teel.

Ja äkki saale, söõgitube,

Kus rooge, daame, klasse virn,

Ööpimedus on katnud jube,

On kustunud elektrikipirn.

Toob keegi kuskilt küünla mõne,

Näol sinikaameid sõõre reas,

Arhailine kostab kõne

Ja raskelt liigub mõte peas.

Nii tusatsevad kõik, kes sõõnud,

Saand peielauaks pulmalaud.

Mäss nende küna ümber lõõnud,

Ja segamini pehkind laut.

On saatus õnnetuteks teind nad,

Ja lühtrikuid ei kiirga laes,

neil lõikab kõrvu palve: leiba!

Ning verev, võõras lipunaer.

Neid vana juurde jääda laskem

Ja jätkem meile söömatund.

Ei kõlba ainult puhtail lastel

Taas jäljendada nende und [Lugemik I: 372]

Как было замечено Адамсом, Ф. Котта использует составные рифмы в нечетных стихах, в то время как у Блока с мужскими клаузулами в четных стихах чередуются клаузулы женские. На лексическом уровне также заметны весьма грубые неточности. Например, в третьем стихе третьей строфы появляется словосочетание „arhailine kõne“, призванное заменить блоковские «пергаментные речи». Очевидно, что у Блока здесь на первый план выходит звуковая характеристика речей «сытых». Их разговор напоминает шелест пергамента, который трансформируется в «шипенье» («Шипят пергаментные речи»). Безусловно, здесь присутствует и сема несоответствия разговоров персонажей стихотворения моменту времени, однако это значение слова «пергаментные» все же находится на периферии. Второй стих первой строфы («В разгаре девственной мечты») также переведен неверно по смыслу или весьма приблизительно («*девственная мечта*» – это, конечно, не «*высокая мечта*», как читаем в переводе Котта – „jäi tummaks *kõrge mõtte keel*“). Лексическая замена, осуществленная в последнем стихе третьей строфы, также неудачна. Очевидно, что Блок не считает «сытых» способными к порождению каких-либо мыслей, «шевеление мозгов» относится, скорее всего, к бытовой, «обыденной» жизни («С трудом шевелятся *мозги*»; ср. в переводе: „ja raskelt liigub *mõte peas*“).

Рассмотрим также некоторые особенности перевода стихотворения «Россия».

А. Блок. Россия (1908)

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,-
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущ...

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пуškai заманит и обманет,-
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острой
Глухая песня ящика!.. [Блок III: 254].

A. Blok. Venemaa

Üksteise kõrval nagu muiste
On jälle kolmed kulund leid
Ning rattapõrin, rapp ja puiste
Mind viivad mööda vanu teid.

Oo, Venemaa, su tared hallid,
Su tormilise laulu laad –
Kõik minu südamele kallid
Kui armastuse pisarad.

Ma oma risti hoolsalt kannan
Ja haletseda sind ei saa...
Ükskõik mis võlurile anna
See ilu, millest ainus sa.
Kui ligineb ta sulle pettes,

Ei iial hääbu sa, ei kao,
Su kauneid jooni varjaks hetkeks vaid mustad murekurru vaod,

Mis siis! Kas muidu vähe muret?
Jões voolab veel üks valus tiik.
Sa ikka sama – mets ja nurmed,
Lillkirju rätiku alt pilk...

Ja võimatus sa näed võimalikku,
Ei hooli väsitavast teest,
Kui tolmus rätti, ripsmeid pikki
Ja pilku märkad enda ees,
Kui hinge nukrus laulust tikkunud,
Mis laulab pukkis voorimees[Lugemik I:373-374].

Как мы видим, Котта не удается передать ключевые для этого блоковского стихотворения формулы: «нищая Россия» и «песни ветровые», которые появляются у Блока во второй строфе (ср.: „Oo, Venemaa, su *tared hallid*, su *tormilise laulu laad*...“). Выпущен и важный для лирики Блока всех периодов образ «первой любви»: „*kõik minu südamele kallid kui armastuse pisarad*“. В переводе нарушен также принцип эквилинеарности, т.е. переводчик меняет последовательность стихов в строфах. Более точно и близко к оригиналу переведена предпоследняя строфа, в которой находим смысловую доминанту стихотворения. Однако в переводе заключительной строфы опять появляются те же лексические и семантические неточности, которые встречаются во всех предшествующих строфах, кроме предпоследней строфы («платок» превращается в переводе в «пыльный платок» – „*tolmus rätti*“; появляются «длинные ресницы», по-видимому, заменяющие «брови» из предшествующего катрена – „*tolmus rätti, ripsmeid pikki*“; исчезает также важный эпитет «глухая», характеризующий «песню ямщика» – „*mis laulab pukkis voorimees*“).

Теперь рассмотрим переводы из Брюсова в интересующей нас хрестоматии.

Перевадам Брюсова на эстонский язык была посвящена четвертая часть некрологической статьи, написанной в год смерти символистского лидера одним из самых талантливых переводчиков брюсовской прозы – Фридебертом Тугласом. Статья была опубликована в № 9 журнала «Лооминг» за 1924 год. Туглас сожалеет, что в целом новаторское творчество русских символистов не было замечено эстонскими читателями. К сожалению, чужим осталось для эстонского читателя и творчество Брюсова, основоположника русского символизма. Тем не менее, Туглас отмечает косвенное влияние Брюсова на духовную жизнь эстонцев:

Kogu sümbolistliku ajajärgu suur väärtuste ümberhinnang vene kirjanduses jäi meie publikule tähelepanemata, hoolimata sellest, et see publik just vene kirjandusega kõige lähemalt kokku puutus. Kuid sellega jäi võõraks ka Brjussovi tegevus tema kõige energilisemal ja loomisküllasemal ajajärgul. Sellega ei taha ma ometi öelda, et nii Brjussovil kui ühes temaga vene sümbolistidel mingit mõju poleks olnud meie vaimuella. Kuid see mõju oli rohkem kaudne kui otsekohene, — mitte vene autorite [Tuglas: 34].

Первый названный Тугласом поэтический перевод Брюсова на эстонский язык принадлежал Йоханнесу Семперу, который перевел поэму Брюсова «Конь-блед»/Tuhkur hobune (перевод напечатан в альманахе «Свободное слово», републикация осуществлена в сборнике «Пьеро»). Кроме того, в статье названы первый переводчик стихотворения «Каменщик»/Müürissepp (опубликован в № 1 альманаха „Odatees“/Одамэс за 1919 год), — Яан Курн, печатавшийся под псевдонимом Ральф Ронд, и переводчик стихотворения «Помню вечер, помню лето...»/Oli õhtu, oli suvi — Вальмар Адамс. Последнее стихотворение было опубликовано в том же номере журнала «Лооминг», что и статья Тугласа:

Vaheajal oli aga ilmund ka esimene Brjussovi luuletustõlge eesti keeles. See oli nimelt J. Semperi poolt tõlgit poeem „Tuhkur hobune“ „Vaba Sõna“ esimeses aastakäigus (äratrükk kogus „Pierrot“). Teine Brjussovi eestistat luuletus, „Müürissepp“, ilmus J. Kurni (Ralf Rondi) tõlkes „Odatehe“ esimeses aastakäigus. Ja käesolevas „Loomingu“ numbris ilmub V. Adamsi tõlkes luuletus „Oli õhtu, oli suvi“ [Там же].

Приведем здесь текст перевода Яана Курна, чтобы показать, что в школьной хрестоматии этот текст не использован.

Müürissepp

- Müürissepp, müürissepp tööpõlles valges,

Mis sa seal ehitad, säed?

- Hei, ära sega! Tööst higi meil palges,

Vangitorn kerkib, ju näed.

- Müürissepp, ütle, kes piinas kord pikas

Kaebab säääl ohketega?

- Sina küll mitte... ehk keegi, kes rikas:

Vargile nälg teid ei a”a.

- Müürissepp, müürissepp, valusas mõttes,

Pikil, kes valvab säääl öil?

- Olla võib, et mu poeg, sarnane töömees.

Säärane saatus on meil.

Müürissepp, võib olla mälestab korra

Neid ta, kes müüri siin teid?

- Hei, vaata ette! Ära kannatust murra!

Kõik teame ise me. Vait! [Kurn: 7-8].

Кому принадлежат переводы из Брюсова в школьной хрестоматии, к сожалению, выяснить не удалось. В библиографическом справочнике переводов „Nõukogude Eesti tõlkekirjandus: 1940-1968“ [Tõlkekirjandus] переводы лирики Брюсова не указаны. Приведем также текст перевода, опубликованного в хрестоматии, и кратко сопоставим его с оригинальным текстом Брюсова. Стихотворение Брюсова «Каменщик»(1901) вошло в его самую известную книгу стихов „Urbi et orbi“(1903) и посвящено социальной теме:

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,

Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,

Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик с верной лопатой,

Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.

Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи

Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий

Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй.

Тех он, кто нес кирпичи!

— Эй, берегись! под лесами не балуй...

Знаем все сами, молчи! [Брюсов I: 56].

В эстоноязычной хрестоматии опубликован перевод, который, как уже отмечалось, не принадлежит поэту и переводчику Яану Курну:

Müürsepp

„Müürsepp, ae, müürsepp, mis müüri või maja

Laovad nii virgalt su käed?“

„Eest! Ära sega! Meil rutata vaja.

Vangla saab sellest, mis näed“.

„Müürsepp, ae, müürsepp, kes kongi siin mattub

Nutma, kas tunned sa neid?“

Teie mees rikkast soost siia ei satu,

Nälg ajab vargile meid“.

„Müürsepp, ae, müürsepp, kes ööd siin kord pikka

Umbset ja unetut neab?“

„Vahest mu poegki, eks tööline ikka,

Kõike see taluma peab“.

Müürsepp, ae, müürsepp, kas meenub seal talle

Tellisteladuja taid?

„Alt! Siin on tellingud, siin ära aele,

Teame kõik ise, jää vait!“[Lugemik I: 367].

Отметим, что если Яан Курн в переводе 1919 года в нескольких местах не выдерживает размер стихотворения (дактиль 4/3), то переводчик в хрестоматии при передаче размера оригинала ошибок не допускает. Точно передается и чередование женских клаузул с мужскими. Что касается лексического ряда стихотворения, то здесь точность подчинена метрике, и переводчик часто отступает от оригинала, нарушая брюсовскую строгость в выборе слов при передаче диалога между главным персонажем стихотворения и тем, кто задает вопросы. Например, из первой строфы в переводе исчезает «белый фартук» каменщика, важное для Брюсова «визуальное пятно», и стихотворение в переводе теряет свою зрительную конкретность. В переводе появляется отсутствующая у Брюсова «крепостная стена» („müür“), исчезает глагол «строить», который заменяется на «класть» или закладывать (стену, дом). Появляется также образ «прилежных рук», который кажется

несколько странным в контексте «тюремной» семантики. Таким образом, несмотря на метрическую точность, переводчик достаточно вольно обращается с лексикой и семантикой стихотворения Брюсова. Безусловно, анонимный переводчик демонстрирует большее мастерство, чем его предшественник Яан Курн, но переводческой удачей эту работу, конечно, назвать нельзя. Высоким уровнем не отличаются в хрестоматии и эстонские версии стихотворений «Кинжал», «Городу», «Хвала человеку», инвектива «Товарищам интеллигентам», и стихотворение «Русской революции». По-видимому, стихотворения создавались специально для этого издания, и переводчик не располагал временем для того, чтобы отшлифовать тексты.

Обратимся к переводам стихотворений Маяковского. Первый поэт, опубликовавший переводы поэзии В.В. Маяковского на эстонский язык — это Яан Курн (псевдоним — Ральф Ронд). В 1923 году он сначала напечатал свои стихи в местной газете, а потом в авторском сборнике стихотворений «27» который вышел в свет в Нарве в издательстве Вирония/Wironia. VI глава сборника включает в себя переводы стихотворений раннего Маяковского: „Mina“/Я, „Suurepärased mõttetused“/ Великолепные нелепости, „Kuidas minust koer sai“/ Как я стал собакой, „Wiiul“/ Скрипка и немножко нервно, „Kuid siiski, /А все таки. Сборник «27» был конфискован полицией, а его автора отдали под суд. Эти обстоятельства стали причиной особого внимания к сборнику литературных критиков и читателей. В сборнике помещены переводы пяти стихотворений из книги стихов Маяковского «Простое как мычание»(1916). На издание поэтического сборника Ральфа Ронда в № 6 журнала «Лооминг» за тот же год была опубликована рецензия Х. Адамсона. Рецензент, в частности, отмечал, что Маяковский как поэт не заслуживает того внимания, которое ему уделяет переводчик:

Majakovski aga, see kirjanduslik kloun, kes äärmusi osavalt segipaisates publikumi lummas, ei vääri seda tähelepanu, mis talle siin osaks on saand [Adamson: 472].

Филолог, лексикограф, переводчик и критик перевода Йоханнес Швальбе в статье «Два слова о Владимире Маяковском и его первом переводчике на эстонский язык», опубликованной в № 2 журнала «Лооминг» за 1924 г., полемизирует с точкой зрения Адамсона и говорит о том, что уже в первой книге стихов Маяковского «Простое как мычание» (Петроград, 1916) виден настоящий поэт, а не «футурист-жонглер». Для нас важно, что Швальбе был одним из первых популяризаторов поэзии Маяковского в Эстонии. В отличие от Адамсона, Швальбе считает воздействие новаторской поэтики Маяковского на Я. Курна благотворным:

Juba Majakovski esimest luulekogu (Простое какъ мычание, Петроград 1916) lugedes tundub selgesti, et noor luuletaja võib „rahulikult“ oma hinge vaagnal tulevate põlvete sõõmapeole kanda“, olgugi, et see toit vahest kõigi suulae järgi pole. Võrdlemisi väike kogu (vähe üle saja lehekülje) on nii rikas, et me pea igas luuletuses tõelist poeeti näeme, mitte üksi žonglöörivat „futuristi“, kelle ainus eesmärk oleks „hariliku kodaniku“ maitsele näkku lüüa. Viis Rondi tõlget Majakovskist on kõik nimetatud revolutsioonilisest kogust võetud ja kuuluvad nii siis luuletaja varasemate tööde hulka [Schwalbe: 23].

Переводы Я. Курна из Маяковского Швальбе оценивает скорее положительно:

Need viis tõlget on vist esimesed eesti keeles. Ja kes Majakovskit lugenud, saab aru, kui raske on sarnast luulet tõlkida. Üldiselt võib Rondi tõlkeid kordaläinuteks pidada [Schwalbe: 137].

Мы сопоставили переводы Ронда с хрестоматийными текстами и пришли к выводам, что его переводы в хрестоматию включены не были.

Как пишет С.Г. Исаков, в середине 1920-х гг. в эстонской поэзии складывается литературная группировка «Акция»/Aksioon во главе с А. Антсоном и В. Каавером, стоявшая «на крайне левом фланге эстонской литературы». Влияние Маяковского заметно

у разных поэтов, например, таких, как Р.Ронд и В.Каавер, их стихи публиковались в сборниках литературной группировки „Aktsioon“ [Исаков]. По мнению Исакова, Маяковский сыграл важную роль в обновлении эстонской рифмы — в переходе от точной рифмы, единственно признанной до начала 1920-х гг., к неточной. Первые опыты сознательного применения неточной рифмы принадлежали В. Адамсу (сборник стихов «Поцелуй в снег», 1924), а окончательно утвердил ее в эстонской поэзии Ю. Сютисте. Оба были в те годы поклонниками творчества Маяковского, высоко ценившими его новаторство [Исаков]. Характерно, что к переводам из Маяковского обратились крупные эстонские поэты. Так, Яан Кярнер переводит стихотворения «Левый марш», «Стихи о советском паспорте», «Поэт рабочий», «Приказ по армии искусств», «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Переводы Я. Кярнера осуществлены на высоком уровне и неоднократно перепечатывались. С переводами из Маяковского выступают и другие литераторы (в частности А. Орас, который перевел «Разговор с фининспектором о поэзии»), да и не только литераторы. В послевоенные годы основным переводчиком Маяковского на эстонский язык становится Феликс Котта. В 1946 г. вышел первый переведенный Ф. Коттой сборник стихов Маяковского «Детям». Позже поэтические сборники стихов Маяковского в переводе Котта стали переиздаваться. В 1947 г. появился сборник избранных стихотворений Маяковского в переводе того же Ф. Котты, включавший 56 произведений.

Теперь обратимся к интересующим нас переводам поэзии Маяковского в хрестоматии для школьников XI класса. Поэзия Маяковского открывает второй том переводной хрестоматии. Как удалось установить, три перевода из пяти стихотворных текстов принадлежат поэту и переводчику Феликсу Котта. Незадолго до выхода хрестоматии, в 1947 году в издательстве „Ilukirjandus ja Kunst“ вышел в свет сборник переводов из Маяковского Феликса Котта [Kotta]. Ему же принадлежит краткое послесловие к книге. Подборка текстов в хрестоматии открывается стихотворением «Владимир Ильич!» («Я знаю – не герои низвергают революций лаву...», 1922). Чтобы показать, что перевод хрестоматии принадлежит Ф. Котта, приведем здесь первую строфу оригинала стихотворения и ту же строфу из сборника переводов Котта 1947 года, которая полностью совпадает с текстом из переводной хрестоматии, где стихотворение перепечатано без изменений. К последней строфе под строкой дается примечание с расшифровкой аббревиатуры VPK (Venemaa Kommunistlik Partei).

Владимир Ильич!

Я знаю -
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях -
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу? [Маяковский].

Vladimir Iljits!

Mitte sangarid

ei paiska

revolutsiooni laavat.

Jampsib sangareist

intelligentlik eliit.

Kuid varjata

südames

laulu ei saa ma.

kus meie Iljitsile kajamas kiit [Kotta: 37; Lagemik II: 3].

Далее в хрестоматии помещено стихотворение «Блэк энд уайт» (1925).

Приведем несколько начальных стихов этого текста в оригинале и в переводе Котта, который опять-таки совпадает с текстом хрестоматии. В отличие от текста переводного сборника, в хрестоматии комментируются незнакомые для школьников реалии («каларио», «Ведадо» и др., переводится с английского заглавие стихотворения „Black and white“).

Блэк энд уайт

Если

Гавану

окинуть мигом -

рай-страна,

страна что надо.

Под пальмой

на ножке

стоят фламинго.

Цветет

коларио

по всей Ведадо [Маяковский].

Black and white

Habana on tore,

Habana on ilus,

kui eemalt,

Habanale

vaatad.

Flamingosid

konutab

palmide vilus.

kalaarioõites

Vedado [Kotta: 93; Lagemik II: 5].

Перевод стихотворения «Домой»(1925) также принадлежит Феликсу Котта. Приведем начальный фрагмент стихотворения в оригинале и в переводе. Здесь, как и в предыдущих случаях, стихотворные тексты в переводном сборнике Котта и в хрестоматии совпадают.

Домой

Уходите, мысли, во-свояси.

Обнимись,

души и моря глубь.

Тот,

кто постоянно ясен -

тот,

по-моему,

просто глуп.

Я в худшей каюте

из всех кают -

всю ночь надо мною

ногами куют.

Всю ночь,

покой потолка возмутив,
несется танец,
стонет мотив [Маяковский].

Koju

Vabalt

mõte,

kaugusesse suju.

Emba hinge,

mere põhjatus.

Olla ühtepuhku

heas tujus

ogaralgi

oleks võimatu.

Pole hullemat kajutit laeval

kui mul.

Kogu õõ käib mu pea kohal

tramp ja lull.

Kogu õõ ole hirmul,

et õhku su viib

all

pöörane tantsukeer,

ahastav viis [Kotta: 98; Lugemik II: 9-10]

Ф. Котта принадлежат и помещенные в хрестоматии переводы фрагментов из поэмы «Хорошо» (1927), и из первого вступления в ненаписанную поэму «Во весь голос» (1929-1930). Отрывки из поэмы «Хорошо» идентичны тексту Котта в переводном сборнике 1947

г. Перевод вступления в поэму «Во весь голос» в хрестоматии отличается от текста, опубликованного Котта в 1947 году. Кто редактировал вариант перевода, включенный в хрестоматию, нам пока неизвестно. Приведем фрагменты из обоих переводов с разночтениями, которые отмечены нами курсивом:

Täiel häälel

Järelpõlvede

lugupeetud parved!

On teid võlund

mu kaasaja *paatunud* pind,

meie *ajaga* õiendades arveid

te vast kunagi

pärite järele mind [Kotta :215];

Lugupeetud

järelpõlvede parved!

On teid võlund

mu kaasaja *paatund* pind,

meie *päevaga* õiendades arveid

te vast kunagi

pärite järele mind [Lagemik II:20];

„Ise istutasin aia,

ise kastma tulen ka.“

Suust *üks* pritsib värsiveekest,

teine kannust

ammutab,–

siin Mitreiko mahekeelsus,

sääl Kudreiko sügavmeelsus–

kurat nendest aru saab.

Pole *talle karantiini*,–

mandoliinitseb see renn:

„Tara-tiina, tara-tiina,

tenn...”

Pole suur asi au,

kui sääraseist roosest,

kerkis minulgi

värsside nikerdis

puiestedel,

kus rögestab tuberkuloosid,

kus *l...* huligaaniga,

süüfilis.

[Kotta:216];

„Ise istutasin aia,

ise kastma tulen ka.”

Suust *kes* pritsib värsiveekest,

Kesse kannust

ammutab, —

siin Mitreiko mahekeelsus,

sääl Kudreiko sügavmeelsus –

kurat nendest aru saab!

Pole *sulle karanteeni*,–

mandoliinitseb see renn:

„Tara-tiina, tara-tiina,

tenn...”

Pole suur asi au,

et sääraseist roosest

minul kõrgele kerkis nikerdis

puiesteedel,

kus *on...* huligaaniga *ja* süüfilis [Lugesmik II:21-22];

Au asjad –

omad mehed

korda võime a`ada,

ausambaks ühiseks

las meile saada

töös,

lahingutes rajatud

sotsialism.

Sea korda,

järeltulnuk, sõnastikud und:

su ette

Leete laineist

sõnu uhub tund–

„tuberkuloos“,

„prostitutsioon“,

„blokaad“.

Et omaksite

tervist,

rahulikku und,

värss-plakatite

keelega

on rögast lund

te laulik lakkunud,

koristades maad.

Koos ajasabaga

ja selle venides

saan koletise sarnaseks

fossiilseks.

Viisaastakutes

Kiiremini

elu – seltsimees,

sa tule,

maha käime

minu päevad viimased.

Ma

pole rublat laegand

värsi vekslit järgi,

Ka väärismööbliga

ei ehitatud mu maja.

Ja pääle

värskelt pestud puhta särgi,

Ausõna,

Mulle muud ei ole vaja.

Keskkontrollkomisjonis

tulevikus,

kuhu leian tee,

poeetiliste kiskjate

ja koide jõugu üle

kõik oma parteiraamatute

sada köidet need

kui bolševistliku

partipileti

ma tõstan üles [Kotta:220:221].

Au asjad –

omad mehed –
korda võime a'ada,
ausambaks ühiseks
las meile saada
töös,
lahingutes ehitatud
sotsialism.
Järehtulijad,
teritage sõnastiku und:
ajakeerises sõnu on keerutunud –
„blokaad“,
„tuberkuloos“,
„hüsteeria“.
Teie jaoks,
kellel on
tervist, rõõmu ja und,
poeet
on lakkunud rögastet lund
plakatite kareda keelega.
Kui aastad nagu saba
järgnevad.
saan koletise
sarnaseks fossiilseks.
Viisaastakute teedel
kärmemalt,
mu seltsimees, sa elu,
maha käime
päevad viimased.
Ma

pole rublat laegand
värssi vekslis järgi,
ka väärismööbliga
ei ehitud mu maja.
Ja peale värskelt pestud puhta särgi,
ausõna,
mulle muud ei ole vaja.
Eelkoitva tuleviku päeva KKK-s
poeetiliste kiskjate
ja koide
jõugu üle
kõik oma parteiraamatute
sada köidet taas
kui bolševistliku
partipileti
ma tõstan üles [Lugemik II:25-26].

Отметим также, что отрывок из стихотворения Маяковского «Домой» в эстонском переводе приводится и в переводном учебнике по современной литературе Л.И. Тимофеева. Авторство Котта в учебнике указано (С.344). В эту же книгу включен также фрагмент из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии» в переводе Котта. Однако в хрестоматии перевод этого текста, как и «Стихов о советском паспорте» принадлежит другому переводчику. Как мы выяснили, этим переводчиком был упомянутый С.Г. Исаковым Яан Кярнер. Приведем в подтверждение этой находки фрагменты из переводов этих двух стихотворений:

Kõnelus luulest finantsinspektoriga

Kodank finantsinspektor!

Vabandust , et tülitän.

Täna teid....

mistarvis seda!...

seistagi on hea...

Mul on teile

küsimus,

mis tavaliselt tülilikam:

luuletaja

asendist

tööraha seas.

Täpselt

vürtspoekamp,

kes lõikab ja laastab,

seisan siin te ees –

ei jäänud karistus serveerimata:

viissada rubla

pean maksuma

<...> [Lugesik II:19-20;Sööt: 70-71].

Nõukogude pass

Kui hunt sind

näriksin,

bürokratism.

Ei austust

mandaatidele.

Käi kõigi

sortside juurde,

mis-

tahes sa paber.

Kuid selle...

Piki kajuteid

ja kupeesid,

ma näen,

kui härrandlik

ametnik.

Kuna ta

saab kõigilt passid,

ka mina säen

käes

valmis raamtu punava.

On mõnele passile –

muigav huul,

ja teistele –

suhe et sülitata.

Pass, näiteks,

see võetakse,

austus suul,

kus Inglise
lõvisid külitab.<...> . [Lugemik II 1949: 35-36; Sööt: 61-62];

Заключение

Проведенный нами анализ показал, что адаптация учебника и хрестоматии по современной русской литературе к эстонским условиям оказалась в целом непоследовательной. Если учебник Тимофеева был переведен на эстонский язык практически без изменений и лакун, то переводная хрестоматия, составленная А. Дубовиковым и Е. Севериным, подверглась существенному сокращению: из эстонской версии были исключены тексты писателей союзных республик или так называемых народов СССР. По каким причинам было сделано такое сокращение, выполняли составители хрестоматии «социальный заказ» или действовали по собственному выбору нам пока неизвестно. Как было показано в работе, из переводной хрестоматии исключались также тексты некоторых авторов, другие произведения которых были в книге представлены. Например, были опущены некоторые стихотворения Блока, и как нам удалось выяснить, это произошло в результате отсутствия соответствующих эстонских переводов на момент издания хрестоматии. Ряд других изменений был продиктован спецификой национальной школы: так, например, роман Горького «Мать» не был включен в хрестоматию Дубовикова и Северина, так как в школе предполагалась чтение всей книги, а не фрагментов из нее. В эстоноязычную хрестоматию были включены переводные отрывки из романа «Мать».

Качество проанализированных нами переводов свидетельствует о том, что наиболее слабым звеном рецепции русской литературы в Эстонии была репрезентация русской модернистской поэзии. Отчасти лакуны были восполнены переводами, осуществленными в короткое время (переводы из Маяковского Ф. Котта и анонимные переводы из Брюсова), однако, в целом можно сказать, что качество эстонских переводов из поэтов-модернистов в хрестоматии не является особенно высоким.

В перспективе изученная нами тема репрезентации современной русской литературы в переводных учебнике и хрестоматии 1949 года нуждается в расширении и в подключении к анализу учебной литературы, как предшествующей во времени интересовавшему нас изданию, так и следующей во времени за изданиями учебника Тимофеева и хрестоматии Дубовикова и Северина. Кроме того, необходимо рассмотреть это издание также в контексте других учебников и хрестоматии по русской литературе конца 1940-х – нач. 1950-х гг., как на эстонском, так и на русском языках.

Список использованной литературы

Источники

- Блок: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1960. Т.2
- Блок: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1960. Т.3
- Брюсов: *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т.1.
- Горький 1906: *Горький М.* Мать. Роман // http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0003.shtml (дата обращения: 4 ноября 2018 г.).
- Горький 1923: *Горький М.* Мои университеты // <https://ilibrary.ru/text/3221/p.1/index.html> (дата обращения: 4 ноября 2018 г.).
- Маяковский: *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. // http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/ (дата обращения: 4 ноября 2018 г.).
- Тимофеев: *Тимофеев Л.И.* Современная литература. Учебник для 10 класса средней школы. М., 1948.
- Хрестоматия I: *Дубовиков А.Н., Северин Е.Е.* Современная литература. Хрестоматия для 10 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1948. Ч. 1
- Хрестоматия II: *Дубовиков А.Н., Северин Е.Е.* Современная литература. Хрестоматия для 10 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1948. Ч. 2
- Adamson: *Adamson H.* // Ralf Rond 27 Looming. 1923. nr., 6.
- Alver 2007: *Betti Alver: Usutlused. Kirjad. Päevikukatked. Mälestused / Koostanud ja toimetanud E. Lillemets ja K. Metste.* Tallinn, 2007.
- Alver 2015: *Minu lamp põleb: Betti Alveri ja Mart Lepiku kirjavaetus 1947-1970 / Koostanud K. Metste ja E. Annuk.* Tallinn, 2015.
- Blok: *Blok A.* Ööbikuaed: valik luulet. Tallinn, 1972.
- Brjussov: *Brjussov V.* Müürissepp // Odamees. 1919, nr 1.
- Gorki 1936: *Gorki M.* Ema. Tallinn, 1936. Tõlkinud Nigol Andresen.
- Gorki 1946: *Gorki M.* Ema. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1946. Tõlkinud Nigol Andresen.
- Gorki 1947: *Gorki M.* Minu Ülikoolid. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1947. Tõlkinud Betti Alver.
- Gorki 1949: *Gorki M.* Jutustused. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1949.
- Kurn: *Kurn J.* Müürissepp // Odamees. 1919, nr 1.
- Lugemik I: *Dubovikov A., Severin J.* Kaasaegne kirjandus. Lugemik keskkooli XI klassile. 1. osa. Tallinn: Pedagoogiline kirjandus, 1949.

Lugemik II: *Dubovikov A., Severin J.* Kaasaegne kirjandus. Lugemik keskkooli XI klassile. 2. osa. Tallinn: Pedagoogiline kirjandus, 1949.

Majakovski 1947: *Majakovski V.* Luuletusi. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst. Tõlk. Felix Kotta.

Majakovski 1951: *Majakovski V.* Ameerikast. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1951.

Majakovski 1980: *Majakovski V.* Luuletusi ja poeeme. Tallinn: Eesti Raamat, 1980.

Rond: *Rond R.* 27. Narva: Vironia, 1923.

Sööt: *Sööt B.* Valik vene kirjandust 4, keskkooli XI klassile. Tallinn: Pedagoogiline kirjandus, 1945 [tekstid tõlkinud F. Tuglas, M. Pedajas, H. Habermann, J. Kärner].

Tammer: Punatsensuur: mälestustes, tegelikkuses, reeglites / Koostanud E. Tammer. Tallinn, 2014.

Timofejev: *Timofejev L.* Kaasaegne kirjandus XI klassile. Tallinn: Pedagoogiline kirjandus, 1949.

Tuglas: *Tuglas Fr. Valeri Brjussov* // Looming. 1924, nr 9.

Исследования

Басинский: *Басинский П.В.* Горький: страсти по Максиму. М., 2018.

Веселко: *Веселко А.* Русская литература в эстонской школе советского периода: границы идеологии // Acta Slavica Estonica IX. Стратегии перевода и государственный контроль / Translation Strategies and State Control. Тарту, 2017.

Исаков: *Исаков С. Г.* Маяковский и эстонская литература // Таллин. 1983. № 4.

Касекамп: *Касекамп А.* История балтийских государств. Тарту, 2014.

Найдич, Павлова: *Найдич Л., Павлова А.* Темы запретные для советского читателя // Acta Slavica Estonica IX. Стратегии перевода и государственный контроль / Translation Strategies and State Control. Тарту, 2017.

Пильд 2017: *Пильд Л.* Перевод как «интериоризация»: Фридеберт Туглас — переводчик романа А. Н. Толстого «Петр Первый» // Acta Slavica Estonica IX. Стратегии перевода и государственный контроль / Translation Strategies and State Control. Тарту, 2017.

Пильд 2017 а: *Пильд Л.* К истории одного анонимного перевода: роман А. Н. Толстого «Петр Первый» в «Хрестоматии» для эстонских школьников XI класса // Acta Slavica Estonica IX. Стратегии перевода и государственный контроль / Translation Strategies and State Control. Тарту, 2017.

Пономарев: *Пономарев Е.Р.* Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940-1950-е годы) // Журнальный зал.
<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/po3.html>

- Kangilaski: *Kangilaski J.* Realismi mõiste metamorfoosid nõukogude kunstiteoorias // Kunstiteaduslikke uurimusi. 2003, nr 1-2 (12).
- Karjahärm, Luts: *Karjahärm T., Luts H.-M.* // Kultuurigenotsiid Eestis: Kunstnikud ja muusikud (1940-1953). Tallinn, 2005.
- Lange, Monticelli: *Lange A., Monticelli D.* Tõlkelised ebakõlad totalitarismi monoloogis: Järjepidevused, katkestused ja varjatud konfliktid Nõukogude Eesti tõlkeloos // Keel ja Kirjandus. 2013, nr 12.
- Looming 1963-12: *Adams, V.* Aleksander Blok ja Eesti // Looming 1963, nr 12
- Märka: *Märka V.* Kala hakkas mädanema peast: Sotsialistlikust realismist ENSV kirjanduses 1945-1953 // Vikerkaar. 1998, nr 10-11.
- Müürsepp: *Müürsepp M.* Lapse tähendus Eesti Kultuuris 20. sajandil: kasvatusteadus ja lastekirjandus. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli Kirjastus, 2005.
- Muru: *Muru K.* Betti Alver: elu ja loomingu lugu. Tartu, 2003.
- Schwalbe: *Schwalbe Joh.* Paar sõna Vladimir Majakovski ja tema esimese eestistaja kohta // Looming. 1924, nr 2.
- Sütiste: *Sütiste E.* Märksõnu eesti tõlkeloost 1906-1940: tõlkediskursust organiseerivad kujundid // Keel ja Kirjandus. 2009, nr 12.
- Torop: *Torop, P.* Tõlge ja kultuur. Tallinn, 2011.

Словари и библиографические справочники

- Aavik: *Aavik J.* Uute sõnade ja vähem tuntud sõnade sõnastik. Tallinn, 1921.
- Tõlkekirjandus: Nõukogude Eesti tõlkekirjandus 1940-1968: bibliograafiline nimestik. Tallinn, 1970.

Ilukirjanduslike tekstide tõlked

1949. aasta Kaasaegse kirjanduse lugemikus

eesti koolide XI klassile: autorite tuvastamine.

Kokkuvõte

Käesolevas magistritöös uuritakse eesti keelde tõlgitud kaasaegse vene kirjanduse õpikut XI klassile, mille originaali on kirjutanud Leonid Ivanovitš Timofejev[Timofejev], ning A.Dubovikovi ja J.Severenini [Dubovikov,Severin], koostatud kaheosalist kirjanduse lugemikku. Koolikirjanduse uurijad ei ole veel täpselt välja selgitanud, kes eesti kirjanikest tõlkis vene kirjandust spetsiaalselt lugemike ja õpikute tarvis eesti keelde või kelle juba avaldatud tõlkeid kasutasid lugemike koostajad.

On teada, et nõukogude ajal jäid koolikirjanduse lugemike tõlked mõnedeks aastakümneteks anonüümseteks. Sealjuures jälgis Haridusministeerium valvsalt, et tõlkijate reputatsioon oleks „laitmatu“ või „ideoloogiliselt väljapeetud“. 1940. aastate lõpus tugevnes Eestis ideoloogiline järelevalve õpikute tõlkijate üle. Eesti ajaloolane A.Kasekamp kirjutab, et 1947-1953. aastail algasid repressioonid uue intensiivsusega, kuna nõukogude võimu eesmärgiks ei olnud ainult sõjaline okupatsioon, vaid Balti riikide elu kõikide aspektide täielik.<...>[Kasekamp:228].

Uurimistöö põhiliseks eesmärgiks on eestikeelsete tõlgete autorsuse kindlaksmääramine ülalnimetatud kirjanduse lugemikus. Tõlketekstide autorite väljaselgitamine on oluline kahest aspektist. Esiteks selgub tööst, kes tuntud või vähemtuntud eesti kirjanikest ja luuletajatest avaldas oma tõlkeid kirjanduse lugemikes ja õpikutes sõjajärgsel perioodil. Magistritöös tehakse samuti katse määratleda, kas ilukirjanduslike tõlketekstidena kasutati ennesõjaaegse kodanliku eesti aegseid tõlkeid või koostati 1940. aastail õpikute tarvis täiesti uued tekstid.

Teiseks oli vaja mõista, milliste printsiipide alusel koostati tõlkekirjanduse lugemikud eesti koolide õpilastele: kas koostajad võtsid tõlkeraamatusse kõik originaallugemiku tekstid ning milliseid muudatusi on tehtud eesti keelde tõlgitud ilukirjanduslikes tekstides. Vastused neile küsimustele lubasid teha olulise, kuigi esialgse järeltõlgitud õppekirjanduse iseärasustest Eestis 1940. aastate lõpus.

Magistritöö koosneb neljast peatükist. Esimene peatükk kannab nimetust „L.Timofejevi tõlkeõpiku „Kaasaegne kirjandus“ XI klassile struktuur“. Selles peatükis uuritakse nimetatud tõlkeõpiku sisulist ja kompositsioonilist ülesehitust. Nagu õnnestus välja selgitada, õpiku tõlkeversioon peaaegu ei erine originaalist.

Teises peatükis „A.Dubovikovi ja J.Severini kaasaegse kirjanduse lugemiku struktuur originaalis ja tõlkes“, uuritakse, kuidas eestikeelse kaheosalise lugemiku sisu muutub

originaalversiooniga võrreldes, õpitakse tundma tõlketekstide struktuurimuudatusi ning tehakse katse välja selgitada nende muudatuste põhjused.

Kolmandas peatükis „M.Gorki romaani „Ema“ ja jutustuse „Minu ülikoolid“ tõlkefragmentide autorsuse tuvastamine“ iseloomustatakse nimetatud teoseid, tuuakse välja põhjused, mille alusel on need tekstid võetud kirjanduse lugemikku nii originaal- kui ka tõlkeversioonis. Nagu õnnestus välja selgitada, oli M.Gorki romaani „Ema“ tõlkefragmentide autoriks teose eesti keelde tõlkija Nigol Andresen, kirjanik, endine Eesti NSV välisminister ja Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidumi esimees. Tema esimene tõlge romaanist „Ema“ ilmus 1936. aastal [Andresen 1936]. Jutustuse „Minu ülikoolid“ tõlkijaks oli Betti Alver, mõnigaste muudatustega kattub kirjanduse lugemiku tekst Alveri tõlkega aastast 1947[Alver 1947].

Neljandas peatükis „A.A.Bloki ja V.V.Majakovski eestikeelsete luuletõlgete autorsuse tuvastamine“ antakse koolilugemikku võetud luuletajate-modernistide originaaltekstide lühiseloomustus, räägitakse nende poetide retseptsioonist Eestis toetudes trükitud avaldatud artiklitele ning vaadeldakse tõlkeid, mille autorsus õnnestus välja selgitada. V.Adams kirjutas 1963. aastal Loomingu artiklis „Aleksandr Blokk ja Eesti“, et A.Bloki luule tõlkijateks meid huvitavas lugemikus on Johannes Semper ja Feliks Kotta. Nagu meil õnnestus tuvastada, kuulub ka osa V.Majakovski luuletõlkeid poeedile ja tõlkijale Feliks Kottale, mõned aga Jaan Kärnerile. Kahjuks ei õnnestunud tuvastada V.Brjusovi tõlkijat, kuid peatükis antakse tõlkeid originaaltekstidega kõrvutades nende iseloomustus.

Tõlkeanalüüs näitas, et kaasaegse kirjanduse õpiku ja lugemiku eesti tingimustele kohandamine osutus ebajärjekindlaks. Kui Timofejevi kirjanduse õpik tõlgiti eesti keelde peaaegu ilma muudatuste ja kärbeteta, siis A.Dubovikovi ja J.Severini kirjanduse lugemikku on tõlkes oluliselt lühendatud: eestikeelsest versioonist on välja jäetud nõukogude vennasrahvaste tekstid. Millistel põhjustel tehti sellised kärped, kas täitsid õpiku koostajad „sotsiaalset tellimust“ või valiti tekstid omal algatusel, ei ole veel selge. Töös näidatakse, et lugemikust on välja jäetud autorite tekste, kelle muu looming on lugemikus esindatud. Näiteks on välja jäetud mõned A.Bloki luuletused, ja nagu õnnestus välja selgitada, oli selle põhjuseks vastavate eestikeelsete tõlgete puudus õpiku avaldamise ajaks. Rida teisi muudatusi oli tingitud rahvusliku kooli eripärast, näiteks M.Gorki romaan „Ema“ ei kuulunud A.Dubovikovi ja J.Severini originaallugemikku, sest õpilastelt eeldati tervikteose, mitte fragmentide lugemist. Eestikeelses lugemikus on aga esindatud tõlkefragmendid romaanist.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Kersti Põldma (isikukood: 47301205225)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

„Ilukirjanduslike tekstide tõlked 1949. aasta Kaasaegse kirjanduse lugemikus

eesti koolide XI klassile: autorite tuvastamine.“

«Переводные художественные тексты в Хрестоматии 1949 г. по современной литературе

для эстонских школьников XI класса: установление авторства».

mille juhendaja on vene kirjanduse vanemteadur Lea Pild

1.1. reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni; 1.2. üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 20.11.2018
